

ЛОРЕТТА ЧЕЙЗ

Недоступная и желанная

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Лоретта Чейз

Недоступная и желанная

«АСТ»

1998

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Чейз Л.

Недоступная и желанная / Л. Чейз — «АСТ», 1998 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-105284-3

Лидия Гренвилл и не надеялась выйти замуж за представителя лондонской аристократии – кто возьмет в супруги девушку, посвятившую всю свою жизнь написанию приключенческих романов и непростому делу борьбы за спасение лондонских девушек из публичных домов? К тому же у Лидии совсем не оставалось времени на поклонников, ухаживания и прочую романтическую чушь. Однако все изменилось после случайной встречи с Виром Мэллори, герцогом Эйнсвудом, – самым завидным титулованным холостяком и повесой столицы. Вир, привыкший к легким победам, был ошеломлен, встретив резкий отпор, – и чем больше Лидия отдаляется от него, тем настойчивее он охотится за прекрасной гордячкой. Охотится, сам не замечая, как азарт перерастает в подлинную страсть...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-105284-3

© Чейз Л., 1998

© АСТ, 1998

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	36
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Лоретта Чейз

Недоступная и желанная

Loretta Chase
THE LAST HELLION

© Loretta Chekani, 1998

© Перевод. А.М. Фроловский, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Пролог

*Лонглендз, Нортхэмптоншир
Сентябрь, 1826 г.*

Родовое имя герцога Эйнсвуда было Мэллори. Геральдические исследования сходятся на том, что предки его прибыли из Нормандии в двенадцатом веке и обосновались в Англии вместе с еще несколькими семействами, представителей которых также называли Мэллори. Этимологически это слово сродни такому понятию, как «несчастье» или «неудача». Но если судить по ранней истории семейства Эйнсвудов, то наиболее точным переводом их родового имени было бы «Беда», причем именно так – с большой буквы. Одни предки герцога жили долго, другие совсем немного. Тем не менее судьба каждого из них была нелегкой из-за постоянных проблем, связанных с их нравом. Все они не могли обойтись без проказ, зачастую отнюдь не безобидных, и порой совсем диких выходок, дурная слава о которых распространялась далеко за пределы их владений. Такова уж была их натура.

Однако времена меняются, а вместе с ними и люди. Начали меняться, приспосабливаясь к спокойной, мирной жизни, и представители этого мятежного рода.

Особенно преуспел в этом скончавшийся десять лет назад четвертый герцог Эйнсвуд. Будучи последним представителем своего поколения в роде Мэллори, этот старый распутник с годами сумел прослыть весьма респектабельным джентльменом и сделать так, что представители семейства стали заслуженно считаться людьми вполне уважаемыми и даже целомудренными.

Правда, имелось одно исключение – единственный сын младшего брата четвертого герцога. Вир Эйлуин был последним из Мэллори, полностью унаследовавшим от далеких предков пристрастие к безумствам. Более шести футов роста, он был самым высоким, самым красивым и при этом самым необузданным из всех представителей семейства. От отца Вир унаследовал прекрасные густые волосы цвета спелого каштана и темно-зеленые глаза, излучающие те самые лихость и зов греха, перед которыми на протяжении веков не смогло устоять бесчисленное множество женщин разных поколений и возрастов. Сам Вир в свои тридцать два года меру греха, допускавшуюся не самым строгим общественным мнением для молодого мужчины, перекрыл с лихвой и останавливаться не собирался.

В данный момент путь его лежал через большой лес поместья Лонглендз – загородной резиденции герцогов Эйнсвудов, – а целью прогулки являлась расположенная в ближайшей деревушке таверна «Заяц и голубка». Дорогу Вир скрашивал, насмешливо напевая баритоном текст англиканской зауспокойной молитвы на мотив баллады весьма фривольного содержания.

За последние десять лет Виру приходилось так часто выслушивать похоронную службу, что он выучил ее наизусть от самой первой строфы «Я есмь воскресение и жизнь» до заключительного «Аминь».

«Поскольку Богу Всемогущему, – раздавалось по округе, – по великой милости Своей было угодно забрать душу нашего брата...»

На слове «брата» пение оборвалось. Вир замер, ощутив, как непроизвольно напряглись широкие плечи, сдерживая конвульсивные подергивания, сотрясающие его могучее тело. Он уперся рукой в ствол ближайшего дерева, скрипнул зубами, плотно закрыл глаза и постарался ослабить очередной приступ раздирающего сердце горя. Вир напомнил себе, что за последние десять лет это были далеко не единственные похороны близких и что он уже пролил достаточно слез за семь дней, прошедших с последнего вздоха кузена Чарли, пятого герцога Эйнсвуда.

Чарли лежит сейчас в склепе вместе с другими родственниками, души которых «было угодно забрать» Всемогущему Богу за десятилетие, ставшее для их семейства временем почти непрерывных похорон. Началось с кончины четвертого герцога, в девять лет заменившего Виру

отца. Затем смерть поочередно унесла братьев Чарли, их сыновей и вдов, скончались несколько незамужних родственниц, покинули этот мир жена Чарли и их старший сын.

Однако, несмотря на столь обширный список потерь, именно последние похороны произвели на Вира особенно тяжелое, почти невыносимое впечатление. Дело не только в том, что он любил Чарли больше всех остальных Мэллори. Чарли был одним из трех человек на всем свете, к которым Вир относился действительно как к братьям. Двое других – это Роджер Барнес, виконт Уорделл и Себастьян Баллистер, четвертый маркиз Дейн. Последнего, мрачного гиганта, более известного по прозвищу Лорд Вельзевул, даже родственники считали позором рода Баллистеров и темным пятном на их славном гербе. Дейн и Уорделл были постоянными приятелями во всех небезызвестных приключениях со времен учебы в Итоне. Однако Уорделл погиб в пьяной драке на конном дворе шесть лет назад, а Дейн несколько месяцев спустя махнул на континент и, похоже, навсегда решил обосноваться в Париже.

Ни одного из друзей рядом с ним теперь не было. Что касается родственников, то, помимо самого Вира, остался лишь один представитель мужского пола основной ветви Мэллори – младший сын Чарли девятилетний Робин, шестой герцог Эйнсвуд.

Чарли оставил после себя еще и двух дочерей. К людям, учитывающим женщин в родословном древе, Вир никак не относился, и факт этот достоин упоминания лишь в виду завещания. В нем Чарли назначал Вира, как ближайшего взрослого родственника-мужчину, опекуном своих детей. Опекунство это, конечно, не требовало каких-то конкретных действий. Члены семьи восприняли возложение этой обязанности на последнего Мэллори-озорника как дань традициям, не более того. Все они, включая самого Чарли, слишком много знали о характере и поведении Вира, чтобы доверить ему воспитание невинных детей. Никто не сомневался, что этим займется одна из замужних сестер Чарли.

Другими словами, изначально предполагалось, что звание опекуна будет для Вира чисто номинальным. Сам он даже толком не взглянул на своих подопечных за все семь дней, прошедшие с тех пор как он приехал в Лонглендз. Приехал, надо сказать, как раз вовремя, чтобы успеть проститься с Чарли.

А вообще все происходящее до ужаса напоминало то, что напроорочил десять лет назад перед своей смертью дядюшка сидящему у его постели Виру. «Я видел это, видел, как они собрались вокруг меня, – рассказывал он. – Они ходили взад и вперед, входили и выходили. Несчастные. Помнишь у Иова? “Как цветок, он выходит и опадает...”. Двое моих братьев “опали” еще задолго до твоего рождения. Затем твой отец. А сегодня я видел их, моих сыновей: Чарльза, Генри и Вильяма. – Был ли это просто бред умирающего? – “... как тень, и не останавливается”. Я видел их всех, все они тени. Что это значит, парень?»

Вир тогда подумал, что старик потихоньку теряет рассудок. Сейчас он понимал куда больше.

Да уж. Все они тени.

– Все сходится, черт побери, – пробормотал Вир, резко отстраняясь от дерева. – Будь проклято твое пророчество, дядюшка!

С этими словами он вернулся к прежнему занятию: пошел вперед, еще громче распевая молитву на неподходящий мотив и время от времени поднимая глаза к небу. Хорошо знающий Вира человек, увидев его в этот момент, сразу же понял бы, что тот попросту дразнит Всевышнего точно так же, как часто дразнил своих приятелей. Вир Мэллори, как обычно, искал беду на свою голову и был готов потягаться с самим Господом.

Ответной реакции, однако, не последовало. Кошунственная молитва, распеваемая искателем приключений, уже заканчивалась, а от Провидения не последовал ни удар молнии, ни хотя бы какой-нибудь менее заметный знак недовольства. Вир уже собрался было перейти к

последнему из того, что помнил из богослужебных текстов – краткому коллекту¹, как вдруг услышал за спиной треск ломающихся ветвей и шорох листвы под чьими-то торопливыми шагами. Он повернулся... И увидел призрак.

Нет, конечно же он увидел не привидение, а сына покойного. Это был Робин, такой же светловолосый и болезненно худой, как его отец, с такими же глазами цвета морской волны. Проницательного взгляда этих глаз Вир не мог вынести при жизни Чарли, но этого так не хватало ему сейчас.

Мальчик бежал прямо на него, поэтому улизнуть было уже невозможно. Собственно, прятаться Вир и не собирался, однако при виде Робина он неожиданно ощутил острый приступ скорби и, к пущему своему стыду, злости. Да, его душило негодование из-за того, что этот мальчик жив, а его отец ушел навсегда, и побороть это чувство Вир никак не мог.

Он смотрел на мальчишку, стиснув зубы. Приветливым этот взгляд назвать было никак нельзя, что заставило Робина остановиться и сделать несколько шагов назад. Лицо мальчика покраснело, глаза сверкнули. И вдруг, опустив голову, он бросился на Вира и боднул обескураженного опекуна в живот.

Хотя живот Вира, как и другие части его мускулистого тела, был не многим мягче, чем колода для колки дров, парнишка не только продолжил бодаться, но и усилил атаку с помощью кулаков. Учитывая разницу в возрасте, габаритах и весе, бешеные усилия юного герцога напоминали попытки сумасшедшего Давида свалить Голиафа. Ни за одним из Мэллори новых цивилизованных поколений не значилась способность к подобным неспровоцированным, отчаянным и практически безумным действиям. Однако Вир цивилизованным Мэллори не был. Он это знал и ничего не мог с этим поделать. Вир стоял на месте, позволяя Робину осыпать себя не наносящими никакого вреда ударами, и вспоминал, что точно так же стоял много лет назад дедушка Робина, когда его яростно пинал сам незадолго до этого осиротевший Вир. Душившая его тогда злость на свое бессилие мешала думать. Только и оставалось, что расплакаться. Но об этом в тех обстоятельствах не могло быть и речи.

Как и в свое время Вир, Робин не переставая колотил маленькими кулачками стоявшего, будто столб, взрослого мужчину, пока окончательно не выбился из сил. Руки его обвисли, и он, тяжело дыша, опустился на землю.

Глядя на эту умильную картину, Вир тщетно попытался вызвать в себе злость и раздражение, которые испытывал всего мгновение назад. Он попробовал внушить себе, что следует послать этого мальчишку к черту и уж, по крайней мере, не пытаться что-то сделать для него, но вдруг понял, что не сможет даже просто уйти. Перед ним был сын Чарли, причем, судя по всему, доведенный до отчаяния. Ведь чтобы разыскать своего беспутного дядюшку, пареньку потребовалось ускользнуть из-под бдительного наблюдения родственников и слуг и не побояться одному отправиться в темный лес. Что толкнуло его на столь отчаянный поступок, неизвестно. Однако совершенно ясно, что сам Робин связывал с ним что-то, чего сам Вир не знал.

Он подождал, пока дыхание Робина восстановилось и вошло в нормальный ритм, затем помог ему подняться.

– Видишь ли, ты не должен приближаться ко мне ближе чем на милю, – сказал Вир. – Я дурно влияю на окружающих. Кто угодно тебе об этом скажет. Спроси хотя бы своих тетушек.

– Они все плачут, – проворчал Робин, опустив глаза на свои разбитые ботинки. – Без конца плачут. И говорят со мной мягко, как с маленьким.

– Да, это ужасно, – согласился Вир, нагибаясь, чтобы поднять куртку мальчика.

¹ Коллект – краткая молитва во время обедни, принятая в англиканской церкви. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Робин посмотрел на него... посмотрел глазами Чарли, только более молодыми и доверчивыми. В своих глазах Вир неожиданно ощутил легкую резь. Вир выпрямился, прочистил горло и произнес:

– Я собираюсь уехать от них. Думаю отправиться... ээ... в Брайтон. – Он остановился, молча обозвав себя идиотом за неожиданную выдумку. Однако ведь именно к нему пришел этот мальчик, и отец этого мальчика ни разу не оставлял его в трудной ситуации. Конечно, пока был жив. – Хочешь поехать со мной? – спросил Вир.

– В Брайтон?

– Я же сказал.

Устремленные на него глаза, такие наивные, заблестели.

– Туда, где Павильон, да?

Вир подумал, что грандиозность архитектурной фантазмагии, известной как Королевский Павильон, была под стать представлению Георга IV о загородных резиденциях восточных монархов и действительно стоила того, чтобы на нее посмотреть.

– Когда я последний раз был в Брайтоне, Павильон там, вроде, стоял, – сказал Вир вслух и пошел в сторону дома.

Подопечный немедленно последовал за ним почти бегом, стараясь приспособиться к широким шагам опекуна.

– Павильон такой же чудесный, как на картинках, дядя Вир? Правда, что он похож на дворец из «Тысячи и одной ночи»?

– Думаю начать сборы прямо завтра утром, – сказал Вир. – Чем скорее уедем, тем быстрее ты сам сможешь ответить на свой вопрос.

Если бы это зависело от Робина, то отъезд состоялся бы прямо в сию минуту, если бы от его тетюшек и их мужей, то он бы вообще никогда не уехал. Но Вир все решил сам и, как он заявил родственникам чуть позже, не собирался ни с кем обсуждать свое решение: ребенок официально находится под его опекой, а следовательно, ему не требуется чьего-либо разрешения, чтобы отвезти Робина хоть в Брайтон, хоть в Бомбей, если, конечно, этого пожелает сам мальчик.

Робин выразил свое отношение молча, хотя без шума не обошлось. В один прекрасный момент дом сотрясли глухие удары. Члены семьи выскочили из гостиной, где шли переговоры, как раз вовремя: юный герцог волочил свой дорожный саквояж по главной лестнице, а затем через просторный холл в переднюю.

– Теперь видишь? – обратился Вир к Доротее, младшей сестре Чарли, громче и дольше других протестовавшей против отъезда Робина. – Робин ждет не дожидается, когда уедет отсюда. Вы чертовски скучные люди, по крайней мере многие из вас. Ваши слезы, приглушенная речь, траурный креп и бомбазин – вот что его здесь окружает. И это пугает парня. Все мрачно, а взрослые постоянно плачут. Вот Робин и хочет уехать со мной, потому что я большой и шумный. Потому что я могу распугать всех чудищ. Неужели ты не понимаешь?

Поняла Доротее или нет, но она уступила. Остальные последовали ее примеру. В конце концов, речь шла всего о нескольких неделях. Даже Вир Мэллори не способен необратимо извратить моральные устои ребенка за столь малый срок.

Вир совсем не собирался растлевать мальчика и был твердо намерен вернуть его в Лонглендз не позже чем через две недели. Он был уверен, что не сможет заменить Робину отца, поскольку совсем не подходил для этой роли. Жены у него не было, и связывать себя узами брака Вир не собирался. Зачем ему жена, которой придется только тем и заниматься, что пытаться сгладить своей мягкостью и всяческими женскими штучками его грубость и неотесанность? Штат слуг Вира состоял из одного человека – камердинера Джейнеса, из которого нянька, как из страдающего дурным пищеварением дикобраза. К тому же «штат» этот вместе со своим хозяином со времен отъезда из Итона не имел постоянного обиталища. Короче

говоря, у Вира не имелось никаких условий для воспитания ребенка, особенно если учесть, что ребенок этот носил громкий титул герцога.

И тем не менее, запланированные две недели как-то незаметно растянулись на месяц, а затем и еще на один. Из Брайтона Вир с Робинотом отправились в Беркшир, а оттуда в Долину Белой Лошади, чтобы осмотреть знаменитое изображение, сделанное на склоне мелового холма в доисторические времена. Естественно, что там они решили посетить Стоунхендж и поехали на запад, осмотрев по пути достопримечательности Вест Кантри, за чем последовала поездка на побережье с исследованием пещер контрабандистов, расположенных на всем пути до мыса Лэндз-энд. Осень, становясь все более холодной, незаметно сменилась зимой, которая, в свою очередь, перешла в весну.

Через какое-то время стали приходиться письма от Доротеи и других родственников с вежливыми, но весьма прозрачными намеками. Суть их сводилась к тому, что образование Робина не терпит легкомысленного и безразличного отношения, что сестры скучают по нему и, чем дольше мальчик будет странствовать, тем труднее будет осесть там, где ему предназначено жить. Это было правдой. Вир сам неоднократно говорил себе: Робину необходимы настоящая семья и настоящий дом. К тому же Вир начал понимать, что ему с каждым днем все труднее расстаться с мальчиком, труднее вернуть его в Лонглендз.

Однако именно так Вир и должен был поступить, тем более что усадьба, как выяснилось по приезду, была теперь совсем не мрачной, как раньше. Доротея и ее муж жили там постоянно вместе с сестрами Робина и своими детьми. В доме вновь зазвучали детские песенки и смех, и Вир должен был признать, что, несмотря на наличие в соответствии с традицией крепя, черных рамок и бомбазина, обстановка в Лонглендзе становилась все менее траурной. Было очевидно и то, что сам Вир уже сделал все, что должен был сделать. Вне всякого сомнения, он сумел разогнать чудищ, мучивших мальчика. За пару часов тот сумел сблизиться со своими кузенами – сыновьями Доротеи, и они вместе принялись дразнить девочек. В общем, когда пришло время прощаться, в Робине не чувствовалось ни малейших признаков страха или растерянности. Он не проявил своего взрывного характера ни грубостью, ни тем более пинками, наоборот, с удовлетворением воспринял обещание опекуна приехать вновь в конце августа к его десятому дню рождения и, в свою очередь, обещал добросовестно писать письма, затем повернулся и побежал к кузенам разыгрывать битву при Азенкуре.

Вир, однако, вернулся задолго до дня рождения. Не прошло и трех недель с отъезда из Лонглендза, как он снова помчался туда.

Шестой герцог Эйнсвуд заболел дифтерией!

Эта болезнь была еще мало изучена. Первое серьезное ее описание опубликовали во Франции только лет пять назад. Единственное, что было понятно и не оспаривалось никем: дифтерия очень заразна. Сестры Чарли умоляли Вира не подходить к больному, мужа их пытались остановить его силой. Однако он был гораздо крупнее любого из них, а учитывая ярость, которая в тот момент его обуревала, удержать Вира не смог бы и отряд солдат.

Подобно всеокрушающей буре, он взмыл вверх по главной лестнице, промчался по холлу, ворвался в комнату больного и прогнал испуганную сиделку. Заперев дверь, Вир присел около кровати и осторожно взял худенькую ослабевшую руку подопечного в свою руку.

– Все нормально, Робин, – сказал он. – Я здесь, и я поборюсь за тебя. Не беспокойся и предоставь это мне. Слышишь меня, парень? Гони прочь эту мерзкую хворь, доверь мне схлестнуться с ней. Я сумею с ней справиться. Ты знаешь, что сумею.

Холодная маленькая рука лежала неподвижно на огромной теплой ладони.

– Ты брось это... Пожалуйста, – потребовал Вир, борясь с подступающими слезами и загоняя вглубь предчувствие беды. – Тебе слишком рано, Робин, пойми. Твоя жизнь еще только началась. Ты видел лишь крошечную часть из того, что должен увидеть и узнать.

Веки юного герцога дрогнули и приподнялись. В глазах блеснуло что-то похожее на понимание, на губах мелькнула призрачная улыбка. Затем глаза снова закрылись.

Больше никакой осмысленной реакции на усилия Вира не наблюдалось. Он не останавливаясь разговаривал с Робинот, просил и молил, сжимал и разжимал руку мальчика. Но извлечь болезнь из его тела и переложить в свое он не мог. Как и много раз ранее, ничего иного не оставалось, кроме как наблюдать и ждать. На этот раз ожидание было недолгим, пожалуй, самым коротким из всех, какие пришлось пережить Виру и, безусловно, самым тяжелым.

Менее чем через час, когда сумерки были поглощены тьмой ночи, жизнь мальчика выпорхнула из его тела и растворилась...

Глава 1

Лондон, 27 августа, среда 1887 год

– Я засужу их, – прорычал Ангус Макгоуэн. – Имеются же законы против клеветы в этом королевстве! А если это не клевета, то я вонючее бычье яйцо!

Огромная черная мастифиха, дремлющая у редакторского кабинета, подняла голову и удивленно посмотрела кроткими глазами сначала на Макгоуэна, а затем на свою хозяйку. Убедившись, что последней ничего не угрожает, собака вновь положила голову между лап и закрыла глаза.

Хозяйка, двадцативосьмилетняя Лидия Гренвилл, смотрела на Макгоуэна столь же бесстрастным взглядом. Эта девушка с золотистыми волосами, голубыми глазами и ростом, на несколько дюймов меньше шести футов, была не из тех, кого легко смутить. Ее чувствительность к подобным вещам была примерно такой же, как у валькирий или амазонок. Столь же сильным и быстрым, как у этих мифических воительниц, было ее тело. При этом последние эпитеты полностью подходили и к ее уму.

Когда Макгоуэн с шумом швырнул объект своего раздражения на стол, она лишь подняла на него совершенно спокойные глаза.

Объектом взрыва явился последний номер «Белвезер ревью», где, как и в предыдущем, на первой странице размещалось несколько колонок с нападками на очередное журналистское достижение Лидии:

«Та, что скрывается под именем леди Грендель, снова нанесла через “Аргус” вредоносный удар ничего не подозревающей публике, извергнув новое ядовитое облако в атмосферу, и без того уже густо насыщенную ее ядовитыми испарениями. Жертвы ее, еще не оправившиеся от предыдущих атак на их благородные чувства, вновь брошены в бездну деградации, порожденную смрадными флюидами заживо гниющих порочных существ. Брошены одной из тех, кого с трудом можно отнести к человеческим существам – уж слишком они напоминают хищников. То, что она сделала предметом своих выступлений, та напоминающая кучу экскрементов какофония рассуждений о жалости не позволяют нам именовать ее иначе как монстром Аргуса² в юбке...»

На этом месте Лидия прекратила чтение.

– Он полностью потерял контроль над логикой и стилем изложения, – сообщила она Ангусу. – Однако человек не может быть осужден только за то, что не владеет пером. Равно как и за отсутствие оригинальности. Насколько я помню, первым произвело меня в монстры «Эдинбургское обозрение», окрестив Беовульфом. Что касается имени леди Грендель³, я в любом случае не думаю, будто кто-то обладает монополией на его использование.

– Это недопустимый выпад! – выкрикнул Ангус. – В следующих абзацах он переходит к прямым оскорблениям и утверждает, что внимательное изучение твоего прошлого привело бы... Доказало бы...

– Несомненно, объяснило бы причину более чем странной симпатии мегеры-Аргуса к древней профессии, которая, как говорится, неразрывно связана с пороком и растлением, – зачитала вслух Лидия.

– Клевета! – закричал Ангус, ударив кулаком по столу.

Мастифиха вновь подняла глаза, хрипло вздохнула и снова погрузилась в дремоту.

² Аргус – в древнегреческой мифологии страж-великан.

³ Грендель – чудовище из англосакской эпической поэмы «Беовульф».

– Он всего лишь утверждает, что я была проституткой, – уточнила Лидия. – Харриет Уилсон⁴ была настоящей шлюхой, однако ее книги до сих пор пользуются популярностью. Если бы мистер Белвезер обличил ее в печати, она бы и вовсе заработала целое состояние. Он и его ребята, вне всякого сомнения, помогают нам в наших делах. Предыдущий тираж «Аргуса» был распродан за сорок восемь часов. Сегодняшний номер уйдет до вечернего чаепития. С тех пор как литературная периодика начала нападать на меня, наши продажи утроились. Вместо того чтобы подавать в суд на Белвезера, вам следовало бы написать благодарственное письмо и пожелать ему новых успехов.

Ангус опустился в стоящее за его столом кресло.

– У Белвезера есть друзья в Уайтхолле, – проворчал он. – И в министерстве внутренних дел у него тоже водятся приятели, которые расположены к тебе далеко не дружелюбно.

В том, что в кругах, близких к министерству внутренних дел, некоторые ее идеи многим пришлись не по душе, Лидия не сомневалась. Уже в первой из двух серий своих статей, посвященных бедственному положению молодых жриц любви, она предложила легализовать проституцию. Это дало бы властям возможность лицензировать эту сферу деятельности и тем самым контролировать ее, как, например, это происходит в Париже. Схема регулирования, о которой шла речь, способствовала бы уменьшению числа случаев издевательств над женщинами.

– Пиль⁵ должен быть мне благодарен, – сказала Лидия. – Мои идеи кажутся многим столь ужасными, что его предложение относительно службы столичной полиции представляется на их фоне более чем умеренным и благоразумным. Ведь это те самые люди, которые вопили о тайном заговоре с целью загнать Джона Булля⁶ под пяту тирании. Да уж, тирания, – пожалала плечами Лидия. – Да имей мы настоящую полицию, эта злодейка давно уже была бы арестована.

Определение «злодейка», безусловно, относилось к Коралии Бриз. За шесть месяцев, прошедших со времени ее приезда с континента, эта женщина успела снискать славу самой наглой и жесткой бандерши Лондона. Работающие на нее девушки соглашались рассказать свои истории только при условии, что Лидия не станет раскрывать имя их хозяйки. Впрочем, обнародование имени владелицы публичного дома вряд ли могло существенно помочь делу правосудия. Уход от внимания властей был для организаторов этого бизнеса той игрой, где они не знали равных. Они меняли имена так же часто и легко, как в свое время это предельывал отец Лидии, чтобы скрыться от кредиторов, и, подобно крысам, мгновенно перебежали из замеченной норы в следующую. Не было ничего удивительного в том, что после подобной метаморфозы на Боу-стрит не осталось и следа от интересующей Лидию бандерши и найти ее представлялось делом весьма проблематичным. Между тем в Лондоне подвизались более пятидесяти тысяч проституток, многим из которых не исполнилось и шестнадцати лет.

– Однако ты видела ее, – сказал Ангус, прерывая охвативший Лидию приступ мрачной рефлексии. – Почему ты не натравила на нее своего монстра? – кивнул он в сторону собаки.

– Ничего путного из ареста этой негодяйки выйти не могло, поскольку не нашлось бы ни одного человека, настолько смелого, чтобы дать против нее свидетельские показания, – раздраженно ответила Лидия. – Пока власти не схватят ее на месте преступления, а она чертовски осторожна, нам просто не в чем ее обвинить. Нет ни доказательств, ни свидетелей. А крошка Сьюзен в данном случае мало чем может помочь, разве что покалечить мерзавку или убить.

Сьюзен при упоминании своего имени приоткрыла один глаз.

⁴ Харриет Уилсон (1786–1845) – знаменитая куртизанка, в число ее клиентов входили принц Уэльский, лорд-канцлер и четверо будущих премьер-министров. Писала мемуары, которыми шантажировала своих любовников.

⁵ Пиль Роберт (1788–1850) – английский государственный деятель, автор идеи создания лондонской муниципальной полиции и с 1829 года первый ее руководитель.

⁶ Джон Буль – собирательный образ типичного англичанина.

– Но если собака по моей команде сделает это, меня посадят или вовсе повесят за нападение на человека, – продолжила Лидия. – А мне вовсе не светит быть повешенной из-за отвратительной содержательницы притона.

Она положила «Белвезер ревью» на письменный стол и взглянула на свои карманные часы. Часы эти достались ей от двоюродного дедушки Стивена Гренвилла. Он и его жена Ефимия взяли Лидию к себе, когда ей было тринадцать лет. Супруги умерли почти одновременно, с разницей всего в несколько часов. Лидия искренне любила их, но о жизни с этой безалаберной парой вспоминала без особого сожаления. В моральной распушенности, в отличие от ее отца, их никто не упрекнул. Но они были людьми поверхностными, мало воспитанными, неорганизованными и страдающими в острой форме тягой к перемене мест. Спеша отряхнуть со своих ног пыль странствий, они не успевали дожидаться, когда осядет облако, поднятое их дорожными ботинками. Места, которые достигала вместе с ними Лидия, были разбросаны от Лиссабона на западе до Дамаска на востоке и находились во всех странах южного побережья Средиземного моря.

Зато сейчас она с полным правом говорила себе, что, если бы не навыки той беспокойной жизни, она ни за что не смогла бы работать с редактором, постоянно взрывающимся из-за каждой мелочи и закипающим при любом упоминании о конкурентах.

На губах Лидии появилось нечто похожее на улыбку – она вспомнила свой первый журнал, который начала делать, подражая умершей и так горячо любимой маме. Взясась она за это как раз в тот день, когда отец препоручил ее неумелому попечению Сти и Эфи.

В тринадцать лет она была почти неграмотной, и ее дневник изобиловал примерами издевательств над правописанием и преступлений против грамматики. У Гренвиллов был слуга Квит, который решил помочь девочке. Он занимался с ней историей, географией, литературой и, что особенно важно, поощрял тягу к написанию текстов. Она отблагодарила его так щедро, как могла: деньги, которые оставил ей Сти на приданое, Лидия конвертировала в пенсию для своего наставника.

Она не считала это великой жертвой. Писательство, а не замужество было предметом ее мечтаний. Поэтому Лидия, впервые в жизни не имеющая ни перед кем никаких обязательств, отправилась в Лондон. С собой она взяла копии путевых заметок, которые ей удалось опубликовать в нескольких английских и континентальных периодических изданиях, и то, что осталось от «состояния» Сти и Эфи: набор безделушек и дешевых украшений да еще маленькую монетку из какого-то драгоценного металла.

Карманные часы были единственным оставшимся у Лидии предметом, некогда им принадлежавшим. Даже после того как Ангус принял ее в штат своего издания, она не удосужилась выкупить остальные вещицы, которые вынуждена была заложить в первые месяцы жизни в Лондоне. Появившиеся деньги она предпочла тратить на более необходимое. Последним из ее приобретений были лошадь и кабриолет. Теперь Лидия могла позволить себе такую покупку, поскольку ее заработок стал более чем приличным. Она получала гораздо больше, чем могла представить, размышляя о будущей работе.

Конечно, по крайней мере год она пробавлялась подготовкой газетных заметок о пожарах, взрывах, убийствах и прочих происшествиях и несчастных случаях, получая по пенни за строчку. Однако однажды ранней весной судьба принесла ей удачу. В тот день она впервые вошла в редакцию «Аргуса», и случилось это именно тогда, когда журнал был на грани полного разорения, а его редактор Ангус Макгоуэн доведен до такого отчаяния, что готов был сделать все что угодно, даже взять на работу женщину.

– Почти полтретьего, – констатировала Лидия, опуская часы в карман юбки и возвращаясь в настоящее. – Пожалуй, я пойду. В три я должна встретиться с Джо Парвисом в устричном ресторане Пиркеса, чтобы посмотреть иллюстрации ко второй главе этого треклятого романа.

Она вышла из-за стола и направилась к двери.

– Это не мерзкие литературные критики, а твой треклятый роман принес нам удачу, – заметил Ангус.

Речь шла о романе «Фиванская роза», повествующем о приключениях героини, который публиковался в выходящем два раза в месяц «Аргусе» с мая. Только Лидия и Ангус знали, что и имя автора С. И. Сабеллтир было художественным вымыслом. И Джо Парвис не догадывался, что главы, которые он иллюстрирует, написаны Лидией. Как и все остальные, он думал, что автором является какой-то одиноко живущий холостяк. И в самых диких фантазиях художник не мог бы представить, что мисс Гренвилл, самый циничный и расчетливый репортер «Аргуса», причастна хоть к одному слову этого причудливого и ловко закрученного сюжета.

Лидия, которая терпеть не могла напоминаний о ее авторстве, остановилась и повернулась к Ангусу.

– Романтическая трескотня, – бросила она.

– Может быть, и так. Но твоя очаровательная трескотня – это то, на что подсаживаются читатели, особенно женщины, и продолжения чего они с нетерпением ждут вновь и вновь. Да, черт побери, ты даже меня поймала на этот крючок. – Он поднялся и вышел из-за стола. – Эта твоя Миранда – умная девушка. И мы с миссис Макгоуэн думаем, что этот испорченный бойкий парень должен образумиться и...

– Ангус, я предложила написать этот идиотский роман, оговорив два условия, – резко перебила его Лидия. – Первое: никакого вмешательства с вашей или чьей-либо стороны. Второе – абсолютная анонимность. – Она смерила редактора ледяным взглядом. – Если просочится хоть малейший намек на то, что автором этой сентиментальной баланды являюсь я, вы мне ответите. Аннулирую все контракты.

В ее голубых глазах появилось вдруг то особое, свойственное представителям аристократии выражение, которое приводило в трепет поколения людей более низкого происхождения.

Макгоуэн, хотя в груди его и билось львиное сердце истинного шотландца, под этим холодным величественным взглядом уподобился простолыдину. Он невольно съезжился, а лицо его приняло сконфуженное выражение и залилось краской.

– Ладно, ладно. Вы правы, – робко пробормотал Ангус Макгоуэн. – Было крайне неосмотрительно с моей стороны говорить об этом здесь. Конечно, дверь достаточно плотная, но лучше не рисковать. Но вы не должны сомневаться в том, что я добросовестно исполняю взятые на себя обязательства и...

– О, не надо пресмыкаться, ради бога. Вы платите мне достаточно, – перебила Лидия редактора, направляясь к выходу. – Сьюзен, идем! – Мастифиха поднялась, Лидия взяла в руку поводок и открыла дверь. – Счастливого дня, Макгоуэн! – бросила девушка и, не дожидаясь ответа, вышла из кабинета.

– Счастливого дня, – крикнул он ей вслед, – ваше величество, – тихо добавил редактор на выдохе.

«Королева чертова, – продолжил Макгоуэн уже про себя. – Но писать эта бестия умеет, дьявол ее раздери!»

С тем, что мисс Гренвилл умеет писать, в Англии согласились бы очень многие. Значительная их часть считала при этом, что мистер С. И. Сабеллтир пишет еще лучше. Последнее как раз и пытался доказать своему господину мистер Джейнес Арчибальд, камердинер герцога Эйнсвуда.

Занимаемой должности облик Джейнеса не соответствовал совершенно. Из-за плотно сбитой крепкой фигуры, маленьких, близко сидящих, похожих на бусинки глаз и длинного, искривленного явно вследствие нескольких переломов носа его скорее всего можно было отнести к типу скользких и задиристых людей, играющих на лошадиных бегах или на боксерских рингах. Сам Джейнес тоже, наверное, растерялся бы, услышь он о себе так льстящее англий-

ским слугам определение – «джентльмен при джентльмене». Правда, связано это было отнюдь не с заниженной самооценкой. Несмотря на отталкивающую внешность, он был исключительно аккуратен и выглядел весьма элегантно. Дело было в том, что джентльменом он никогда бы не назвал и своего высокого и красивого господина – Эйнсвуда Мэллори.

Эйнсвуд и Джейнес сидели сейчас в лучшем, если не сказать больше, по мнению мистера Джейнеса, бифхаусе «Алагод» в Клар Корт. Место, где располагалось заведение, по сути, представляющее собой узкий проход к печально известной улице Друри-Лейн, было далеко не самым респектабельным в Лондоне, а стряпня кулинаров «Аламода» вряд ли была рассчитана на очень разборчивый вкус. Однако и то и другое вполне устраивало герцога, поскольку сам он в данный момент был не более, а возможно, и менее респектабелен и разборчив в еде, чем любой из тех дикарей, о приключениях которых читал сейчас Джейнес.

Быстро расправившись с горой жареной говядины, его светлость откинулся на спинку стула, а точнее сказать, распластался на нем, и принялся искать взглядом официанта, желая вновь наполнить элем огромную кружку.

Каштановая шевелюра герцога, которую совсем недавно с таким старанием уложил Джейнес, вновь сбилась в столь беспорядочную копну, что могло показаться, будто ее хозяин в жизни не видел ни ножниц, ни гребня. Шейный платок, недавно до хруста накрахмаленный и тщательно завязанный с соблюдением безупречно правильных углов и интервалов для всех изгибов, превратился в нечто рыхлое и мятое. То же можно было сказать и о других предметах туалета Эйнсвуда. Вся его одежда выглядела так, будто он в ней спал.

«Никому нет дела до того, как все это выглядело раньше. С чего бы мне беспокоиться?» – думал Джейнес.

Однако вслух он говорил совсем о другом.

– «Фиванская роза» – это название огромного рубина, который героиня нашла несколько глав назад, когда прокралась в кишашую змеями гробницу фараона. Это история о настоящих приключениях, скажу я вам, и все с начала лета сходят от нее с ума.

Официант отошел, и герцог обратил скучающий взгляд зеленых глаз на номер «Аргуса». Все еще не раскрытый журнал, как бы испытывая силу воли Джейнеса, лежал перед ними на столе.

– Это объясняет, зачем ты вытащил меня из дома еще до того, как наступил рассвет, – произнес Эйнсвуд. – И по книжным лавкам ты таскал меня из-за этого. Кстати, и то, почему эти лавки были забиты женщинами, тоже теперь понятно. Правда, женщины эти в своем большинстве были далеко не первого сорта, – добавил он, брезгливо поморщась. Я никогда еще не видел такого скопища галдящих замухрышек в столь ранний час.

– Сейчас половина третьего, – сообщил Джейнес. – Вы и утра-то никогда не видели. Что касается рассвета, то он наступил как раз тогда, когда вы, шатаясь, доплелись до дома. Скажу больше, среди толпы тех, кого вы несправедливо называли замухрышками, я заметил несколько очень привлекательных молодых леди. Однако, коль скоро их лица не были густо разукрашены, груди не выпирали из лифвов, для вас они остались невидимы.

– Жаль, что они не были еще и неслышимыми, – проворчал Эйнсвуд. – Болтовня и жеманство – удел тупиц. Между тем все они готовы выцарапать друг другу глаза. Разве не мерзость? – Он взял в руки журнал, взглянул на обложку и небрежно бросил назад. «Аргус», конечно. Название «Лондонская ищейка» больше бы соответствовало его сути. Такое впечатление, что мир умрет с голода, если эти писаки с Флит-стрит не будут вешать им на уши все больше и больше лапши.

– Офис «Аргуса» находится не на Флит, а на Стрэнд-стрит, – произнес Джейнес. – И никакую лапшу они не вешают. Они практически всегда рассказывают то, что обещают в своих анонсах, особенно с тех пор как у них начала работать мисс Гренвилл. Мифологический Аргус, как вы, наверное, помните...

– Я бы предпочел не вспоминать о школе. – Эйнсвуд потянулся к своей кружке. – Когда не было латыни, был греческий. Когда не было греческого, была латынь. А когда не было ни того ни другого, это означало, что мне назначена порка.

«Когда не было пьянки, азартных игр и прогулок по девочкам...» – продолжил про себя Джейнес. Кто-кто, а он прекрасно знал обо всем этом, так как поступил на службу к Виру Мэллори, когда тому исполнилось шестнадцать лет. Перспектива стать герцогом его хозяину тогда не грозила, поскольку между ним и титулом имелись еще несколько мужчин рода Мэллори, имеющих больше прав. Однако все они ушли из жизни. Последний, мальчик девяти лет, умер около года назад, и хозяин Джейнеса стал седьмым герцогом Эйнсвудом. Вот только характер его от этого не улучшился ни на йоту. Наоборот, если раньше он был просто плохим, то теперь стал совсем плохим, плохим до такой степени, что даже думать об этом не хотелось.

– Аргус, при желании вы вспомните, был известен тем, что мог терпеливо добиваться чего-то хоть сто лет. Его тезка-журнал ставит перед собой цель способствовать просвещению простых людей, честно сообщая обо всем, что случилось в нашем огромном городе, и пытается добиться правды, не боясь, что на это может уйти хоть сто лет. Например, статья мисс Гренвилл касается проблем несчастных молодых женщин...

– А я думал, что только одной женщины, – перебил герцог. – Той запутавшейся девчонки, которая забралась в гробницу со змеями. Типично для них, – иронически усмехнулся Вир. – А какой-то несчастный болван должен мчаться со всех ног, чтобы спасти миледи, и умереть от укуса змеи, если ему повезет.

Не отличающийся быстротой мышления Джейнес задумался.

– Я имел в виду не роман мистера Сабеллтира, – выдавил он наконец. – Его героиня, к вашему сведению, спаслась из гробницы без чьей-либо помощи. Однако я рассказывал о...

– Только не говори, что она уморила змей своей болтовней.

Эйнсвуд поднес кружку к губам и в момент опустошил ее.

– Я рассказывал о работе мисс Гренвилл, – продолжил Джейнес. – Ее статьи и эссе чрезвычайно популярны среди леди.

– Упаси нас боже от синих чулок. Знаешь, в чем твоя беда, Джейнес, а? Ты уподобляешься дамочкам, готовым поверить самым диковинным фантазиям.

Герцог вытер губы тыльной стороной ладони.

«Настоящий варвар, вот кто он», – отметил про себя Джейнес. Ему все чаще приходило на ум, что его светлости комфортнее всего было бы среди вандалов во времена, когда те разграбили Рим. Что касается женского вопроса, взгляды хозяина начали деградировать с момента получения титула и сейчас соответствовали совсем допотопным временам.

– Не все женщины глупы, – продолжил отстаивать свою позицию слуга. – Если вам стало труднее общаться с женщинами своего класса, чем с безграмотными шлюхами...

– Шлюхи дают то единственное, что мне нужно от женщин, и не ожидают в ответ ничего, кроме платы за свои услуги. Не думаю, что имеются какие-то причины беспокоиться об отсутствии взаимопонимания с особами другого сорта.

– Как минимумом одна причина все-таки имеется. Если вы продолжите держаться за милю от порядочных женщин, у вас никогда не будет герцогини.

Герцог поставил кружку на стол.

– Опять начинаешь, черт тебя подери!

– Через четыре месяца вам стукнет тридцать четыре года, – сказал Джейнес. – Но, если вы продолжите жить так же, как раньше, ваши шансы встретить кого-то практически равны нулю. Между тем, помимо собственной персоны, необходимо учитывать наличие титула, за который вы несете ответственность и который кто-то должен унаследовать.

Эйнсвуд, оттолкнувшись руками от стола, резко поднялся.

– Какого дьявола я должен учитывать наличие этого титула? Меня в качестве его наследника никто не учитывал. – Он схватил перчатки и шляпу. – Ему бы и следовало перейти к тому, к кому положено, оставив меня в покое. Но этого не случилось. Ведь так? Он продолжал подбираться ко мне от одних обескураживающих похорон к другим. Вот я и решил, пусть он сам позаботится о себе после того, как меня положат рядом со всеми остальными. Пусть сам неснимаемым грузом повесится на шею какому-нибудь козлу.

Вир направился к выходу.

Через несколько мгновений он достиг конца Кэтрин-стрит и пошел в западном направлении, чтобы унять внутреннее беспокойство с помощью еще нескольких кружек эля в таверне «Лиса под холмом».

Свернув на Стрэнд-стрит, он увидел кабриолет, мчащийся сквозь толпу вдоль здания Эксетер-чейндж. Повозка чуть не пронзила оглоблей продавца пирожков, заложила лихой вираж, оказавшись переддвигающимся навстречу экипажем, вновь резко повернула, избежав в последний момент столкновения, и устремилась точно в направлении какого-то джентльмена, сходявшего с тротуара, чтобы перейти улицу.

Ни секунды не размышляя, Вир бросился вперед, сгреб мужчину в охапку и буквально за мгновение до того, как кабриолет пролетел мимо в направлении Кэтрин-стрит, вернул его на тротуар. Только тогда, изрыгая проклятия, он понял, что в это мгновение успел разглядеть мелькнувшую перед ним женщину в черной одежде, черного мастифа, в страшной панике вырывающуюся из узды лошадь и отсутствие способного помочь кучера на положенном тому месте.

Эйнсвуд оттолкнул спасенного парня в сторону и поспешил вслед за странной повозкой.

Лидия выругалась, когда увидела, что объект ее преследования рванул на Рассел Корт. Тесный проезд был слишком узок для кабриолета, а если попытаться объехать по Друри-лейн, то «дичь», вне всякого сомнения, успеет ускользнуть. Она подъехала к остановке и выпрыгнула из кабриолета. Сюзен последовала за ней. Навстречу поспешил какой-то юный оборванец.

– Пригляди за лошадью, Том, и получишь пару монет, – бросила она ему и, приподняв юбку, побежала на Рассел Корт.

– Ты здесь, я вижу! – крикнула она. – Немедленно освободи этого ребенка!

Сюзен поддержала требование громким лаем, эхом отозвавшимся в узкой улочке.

Мадам Бриз, а именно так звали женщину, к которой Лидия обращалась, бросила быстрый взгляд через плечо и, не снижая скорости, свернула на небольшую аллею. За руку она тащила девочку-подростка.

Лидия не знала, кем была эта девчонка, похожая на сельскую служанку. Очевидно, одна из тех бесчисленных искательниц лучшей жизни, приходящих в Лондон каждый день и попадающих в лапы содержательниц борделей и сутенеров, которые поджидали таких, как она, на каждом постоялом дворе от Ратклиффа до площади Пиккадилли. Эту странную парочку она заметила на Стрэнд-стрит. Девчонка, судя по тому, как она таранилась по сторонам, явно совсем недавно прибыла из деревни, в то время как Коралия Бриз была разодета на манер respectable матроны, по крайней мере, шляпка, прикрывающая ее подкрашенные сапожной ваксой кудряшки, стоила недешево. В том, что ее незадачливой спутнице была уготовлена медленная гибель где-нибудь в районе Друри-лейн с его многочисленными притонами, Лидия не сомневалась. Если они окажутся внутри какого-нибудь борделя, к которому наверняка стремиться мадам Бриз, то Лидии войти следом попросту не позволят, и девушка оттуда уже никогда не выберется. Однако, когда женщины свернули на аллею, жертва Коралии начала упираться и попыталась высвободить руку из ее захвата.

– Правильно, девочка моя, – закричала Лидия. – Беги!

В этот момент ей показалось, что слышит за спиной громкую брань какого-то мужчины, а предупредительный лай Сьюзен подтвердил: она не ошиблась.

Девочка рвалась все сильнее, но упрямая бандерша лишь усилила хватку и принялась тянуть ее сторону Винегар-Ярд. Увидев, что Коралия занесла руку для удара, Лидия рванулась вперед и оттолкнула негодяйку.

Коралия отшатнулась и прижалась спиной к грязной стене.

– Ты, кровожадная сука! Оставь нас в покое! – закричала Лидия и, оттолкнувшись от стены, снова двинулась вперед.

Коралия же оказалась не столь проворной, чтобы помешать оттолкнуть девушку в сторону от дороги.

– Сторожить, Сьюзен! – приказала Лидия мастифике.

Собака подошла вплотную к грязновато-коричневой юбке девочки и издала тихое предупреждающее рычание.

Злодейка растерялась – и остановилась, трясаясь от злости.

– Рекомендую тебе уползти назад в ту вонючую дыру, из которой ты выползла, – прошипела Лидия. – Попытаешься еще раз протянуть руки к этой девушке, я отдам тебя под суд за нападение и похищение.

– Под суд? – эхом отозвалась бандерша. – Ты собираешься на меня настучать, да? А что, любопытно узнать, собираешься сделать с девчонкой, чертова подстилка?

Лидия взглянула на девушку. Та испуганно смотрела широко раскрытыми глазами то на нее, то на бандершу. Было очевидно, что она не понимает, кому из них следует доверять.

– Б... Боу-стрит, – с трудом выдавила девушка. – Мне надо было туда. Но на меня напали и ограбили, а она повела меня, чтобы... чтобы...

– Погубить, – закончила за нее Лидия.

В этот момент на Винегар-Ярд появился какой-то громила, бегущий в их сторону. Другой парень мчался за ним следом. Еще несколько мужчин вышли из прилегающих переулков. Лидии было прекрасно известно, что там, где собираются подобные типы, беда почти неизбежна. Однако пасовать перед этими бродягами, представляют они собой какую-то шайку или нет, она не собиралась.

Игнорируя образовавшуюся вокруг небольшую толпу, Лидия сосредоточила внимание на девушке.

– Боу-стрит находится вон там, – сказала она, показывая рукой на запад. А эта змея вела тебя на Друри-лейн, где расположены лучшие бордели, что может подтвердить тебе любой из этих элегантных парней.

– Лгунья! – визгливо выкрикнула Коралия. – Я первая нашла ее! Ищи себе девочек сама, ведьма ты лохматая! Я научу тебя, как совать нос в чужие дела!

Коралия направилась к своей жертве, но тут же остановилась, услышав угрожающее рычание Сьюзен.

– Прикажи этому чудищу отойти, – прорычала Коралия, – не то пожалеешь...

Лидия подумала, что не зря эту мадам так боятся работающие на нее девочки. Надо быть полубезумной, чтобы решиться подойти к Коралии так близко. Даже мужчины, практически все, включая отпетых головорезов, предпочитали держаться подальше от рычавшей мастифики.

– Это было твоей ошибкой, – произнесла Лидия подчеркнуто спокойно. – Я дам тебе немного времени: пока буду считать до пяти, ты должна исчезнуть. Если не уложишься, я заставлю тебя очень сильно пожалеть. Раз, два, тр...

– Эй, леди, леди, минуточку! – Громила, оттолкнул стоявшего перед ним товарища и протиснулся вперед. – Вся ваша храбрость и запугивание друг друга порождает у каждой, как бы поделикатнее выразиться, еще большее желание отстаивать свою позицию. И чего весь этот шум? Из-за мизерной проблемы: имеется один цыпленок, которого хотят заполучить сразу две

курочки. А ведь в округе цыплят полным-полно, не правда ли? Стоит ли из-за одного нарушать мир в королевстве и беспокоить констеблей? Конечно же, нет. И вот что мы сделаем. – Громила достал кошелек. – Каждая из вас, мои дорогие, получит по монете, а я заберу эту крошку себе.

Лидия сразу распознала особый выговор, свойственный людям высокого происхождения, однако была слишком раздражена, чтобы задуматься над этим.

– По фунту? – крикнула она. – Такова, по-вашему, цена человеческой жизни?

Громила опустил на нее взгляд своих зеленых глаз. Именно опустил, посмотрел сверху вниз, поскольку был на несколько дюймов выше. Лидии с ее ростом не часто приходилось иметь дело с таким собеседником.

– Судя по тому, что я увидел, наблюдая за вашей ездой, вы человеческую жизнь вообще ни во что не цените, – холодно заметил он. – На Стрэнд вы в течение минуты чуть не убили трех человек. – Громила обвел наглым взглядом присутствующих. – Следует принять закон, запрещающий женщинам управлять экипажами, – провозгласил он, – и ввести серьезное наказание за нарушение.

– Йе, Эйнсвуд, йе, – крикнул кто-то из толпы, – верно, вставь это в свою следующую речь в палате лордов.

– Следующую? – громко спросил еще кто-то. – Скорее в первую. И то если в парламенте не обвалится потолок, когда он туда заявится.

– Ой, умираю! – раздался новый голос с задних рядов. – Неужели это наш Эйнсвуд?

– Йе, он строит из себя царя Соломона, никак не менее, – ответили из первого ряда. – И, как всегда, все перепутал, схватился за хвост, а он не от той кобылы. Называйте его ваша светлость, мисс Гренвилл. Он предлагает вам выход, достойный мамки с Ковент-Гарден.

– Чего удивительного, – раздался еще один голос. – Он и маркизу Дейн принял за доступную девку. Помните?

Только теперь Лидия поняла, кем был подоспевший к ним громила. В мае пьяный в стельку Эйнсвуд столкнулся в одной из гостиниц с маркизом Дейном и его невестой, которые почему-то решили провести там первую брачную ночь, и наотрез отказывался верить, что леди, с которой он хотел познакомиться, действительно была леди, а уж тем более женой Дейна. Дейн вынужден был подкорректировать поведение своего бывшего школьного приятеля с помощью кулаков. Об этом происшествии говорил тогда весь Лондон.

В том, что Лидия приняла его светлость за одного из обитателей трущоб Ковент-Гарден, не было ничего удивительного. По всеобщему мнению, герцог Эйнсвуд был одним из самых развращенных, бесщабных и безрассудных повес из списка пэров Дебретта в качестве примера плачевного состояния современной аристократии. Кроме того, как сейчас Лидия видела собственными глазами, он явно был и одним из самых неопрятных аристократов. Похоже, свой некогда дорогой и прекрасно сшитый костюм он надел давным-давно и не только дрался в нем, но и спал. Шляпа на его голове вовсе отсутствовала, и грязная прядь густых каштановых волос сползла, прикрыв один глаз, взгляд которого, как, впрочем, и второго, казался рассеянным. Единственным свидетельством того, что он иногда заглядывает в зеркало, были его щеки, которые кто-то совсем недавно побрил. Впрочем, не исключено, что произошло это во время пьяного забытья.

Кроме этого, Лидия разглядела и еще кое-что: отблески адского пламени в зеленой глубине полусонных глаз, надменный профиль и... и дьявольский разрез губ, обещающих все что угодно, от уничтожающего смеха до сладкого греховного поцелуя.

Сказать, что он не произвел на нее впечатления, было бы нечестно. Сидящий в ней чертенок, которого она постоянно загоняла как можно глубже, оживился, почувствовав собрата. Однако Лидия не была душой. Она наверняка знала: в возможной поддержке со стороны этого человека обязательно кроется какое-нибудь жульничество, и то, к чему приведет подобное знакомство, выражается одним словом – «беда».

Вместе с тем этот громила являлся герцогом и, даже будучи худшим из знати, мог оказать гораздо большее влияние на власти, чем простой журналист, а тем более журналистка.

– Вы ошиблись в отношении лишь одной из нас, ваша светлость, – обратилась Лидия к нему безупречно вежливо. – Я – Гренвилл из «Аргуса». А эта женщина действительно известная бандерша. Она пообещала проводить девочку на Боу-стрит, а на самом деле пытается заманить ее в бордель. Если вы отдадите эту негодяйку под стражу, я с радостью составлю вам компанию и засвидетельствую...

– Она лукавая коварная лгунья, – заорала Коралия. – Я собиралась только отвести девочку к Пикерсу, – махнула она рукой в сторону, противоположную устричному ресторану, – чтобы она немного поела. Крошка попала в небольшую беду...

– И попадет куда в более серьезную с твоей помощью, – перебила ее Лидия, перенося внимание на Эйнсвуда. – Вы знаете, что случается с несчастными детьми, попадающими в ее когти? Их бьют, морят голодом, насилюют, превращая в запуганных, забывших о человеческом достоинстве существ. Затем она отправляет их зарабатывать на улицу, некоторых в одиннадцать-двенадцать лет...

– Ты лживая грязная сука, шлюха! – завизжала сводница.

– А что будет, если я переадресую все эти эпитеты тебе? – спросила Лидия. – Потребуешь удовлетворения? С радостью предоставлю. Здесь и сейчас, если желаешь. – Она подошла к противнице почти вплотную. – Посмотрим, насколько тебе будет приятно оказаться на месте тех, кого ты колотила.

Две огромные ладони сжали уже поднимающиеся руки Лидии и возвратили ее на прежнее место.

– Хватит, леди, достаточно. От вас разболелась голова. Давайте попробуем решить все мирным путем.

– О, это здорово! – выкрикнули из толпы. – Эйнсвуд занялся миротворчеством. Ни за что бы не поверил, если бы не видел своими глазами.

Лидия посмотрела на ладони, сжимавшие ее предплечья.

– Убери от меня свои лапы, – ледяным тоном приказала она.

– Я сделаю это сразу, как только кто-нибудь принесет смирительную рубашку, чтобы натянуть ее на тебя. Хотелось бы знать, кто выпустил тебя из сумасшедшего дома.

Лидия согнула руку и локтем ткнула его в живот. Живот оказался отнюдь не мягким – боль пронзила ее руку от предплечья до запястья. Тем не менее он тоже что-то почувствовал, так как пробормотал ругательство и, разжав руки, позволил нахалке отойти. В толпе заулюлюкали и засвистели.

«Уходи, пока есть возможность, – прошептал ее внутренний голос, – уходи и не оборачивайся». Совет был вполне резонным. И Лидия, наверное, последовала бы ему, если бы голос разума не был заглушен насмешливыми словами Эйнсвуда. По своей природе она не была склонна к отступлению, а гордость не допускала и малейшего намека на слабость или, упаси боже, страх.

Глаза ее сузились, сердце яростно заколотилось. Лидия повернулась к противнику лицом.

– Дотронешься до меня еще раз, – предупредила она, – и останешься без глаз.

– О сделайте это, ваша светлость, – потребовал кто-то из зрителей. – Потрогайте ее еще раз.

– Давай! Моя десятка – на тебя, Эйнсвуд.

– А я скажу, она залепит ему пару горячих, как обещала, – подзадорил еще кто-то.

Между тем взгляд зеленых глаз герцога оценивающе скользил по ее фигуре – от шляпки до полуботинок.

– Крупная, да. Но вес меньше, чем у меня, – объявил Эйнсвуд. – Я дам ей фору в весе в пять с тремя четвертями фунтов. Однако все, что полагается под одеждой, у нее не менее

чем на десятку. Но, между прочим, чтобы убедиться в этом, – добавил он, скользя взглядом по лифту Лидии, – я готов заплатить пятьдесят гиней.

Наблюдатели приветствовали эту остроту хриплым смехом и скабрёзными комментариями.

Насмешки и непристойности не поколебали Лидию. Она хорошо знала этот жестокий мир. Большая часть ее детства прошла среди подобного сброда. Усилившийся в толпе шум напомнил ей о главном. Девочка, которую Лидия примчалась спасти, стояла, дрожа от холода, на том же месте, где ее оставили.

Вот почему Лидия не могла оставить последнее слово за этим болваном.

– Для ваших денег и для вас могло бы найтись более полезное применение, – изрекла она. – Займитесь образованием этой девочки. Обучите ее изящным лондонским манерам, а заодно и высокоморальному стилю поведения знати.

Лидия хотела еще многое ему сказать, но напомнила себе, что с таким же успехом можно было прочитать лекцию верстовому столбу. Если у этого осла когда-то и была совесть, то умерла десятилетия назад в силу невосребованности. Поэтому она ограничилась испепеляющим взглядом в его сторону и направилась к девочке.

Беглое исследование толпы показало, что бандерша исчезла.

– Идем, милая, – сказала Лидия, подойдя к девочке. – Нам нечего делать среди этого сброда.

– Мисс Гренвилл, – услышала она за спиной голос герцога.

Повинуясь неосознанному импульсу, Лидия резко развернулась, сделала шаг вперед и практически уткнулась в мощную мужскую фигуру. Инстинктивно она отступила назад, но всего лишь на полшага, тут же гордо подняв подбородок и выпрямив спину.

В такой позе Лидия и застыла, хотя сохранять ее было непросто, поскольку Эйнсвуд не сдвинулся ни на дюйм. Видеть, что творилось вокруг, мешала его широкая грудь. Непосредственно перед глазами находился только его плотно обтянутый одеждой мускулистый торс.

– Отличная реакция, – произнес он. – Не будь вы женщиной, я бы сделал вам предложение... Относительно той мерзавки, я имею в виду. Этой, так сказать, бл..

– Я поняла, что вы хотите сказать, – прервала его на полуслове Лидия.

– Обладать широким вокабуляром, безусловно, весьма полезно, – сказал Эйнсвуд. – Однако на дальнейшее я бы рекомендовал вам сначала поупражняться в определении степени соответствия геройских выходов здравому смыслу. Хотя бы минимальное количество такового, согласитесь, голубка моя, необходимо. Без этого не стоит оттачивать ваш язычок. Вы в состоянии организовать процесс таким образом, я надеюсь? Дело в том, что какой-нибудь другой парень может, видите ли, принять отвагу и угрозы как вызов. А в таком случае вы можете влипнуть в приключение совсем иного рода, чем пикировка по поводу сделки. Понимаешь, о чем я, малышка.

Лидия широко раскрыла глаза.

– О боже, нет! – воскликнула она, почти не дыша. – Ваша речь слишком непонятна для меня, ваша светлость. Мой убогий умишко не в силах воспринять такую мудрость.

Зеленые глаза Эйнсвуда озорно блеснули.

– Возможно, виной тому слишком туго затянутые ленты вашей шляпки.

Его руки потянулись к лентам, но в нескольких дюймах от узла остановились.

– На вашем месте я бы этого не делала, – предупредила Лидия.

Голос ее слегка дрожал, сердце билось, будто пытаясь выскочить из груди.

Эйнсвуд засмеялся и потянул ленты.

Ее кулак мгновенно взметнулся вверх. Но герцог, не переставая смеяться, перехватил занесенную для удара руку и притянул Лидию к своей широкой груди.

Такой поворот не был для нее неожиданностью, она практически ждала чего-то в подобном роде. Но к тому, что за этим может последовать вспышка, настоящий взрыв эмоций, многие из которых до сих пор были ей незнакомы, Лидия была не готова. Старательно оберегаемое душевное равновесие нарушилось.

В следующее мгновение ее рот оказался в плену его губ, горячих, настойчивых и опытных. Это мягкое, но решительное давление дезориентировало ее, сделав беспомощной. Лидия будто во сне ощутила, как его большая ладонь скользнула по плечам, спине, как исходящее от нее тепло проникает под бомбазин платья и нижней рубашки, а затем, когда сильная рука прошла по талии, еще глубже.

На какое-то опасное мгновение она, обезоруженная этой мягкой силой и опьяненная терпким мужским ароматом, потеряла контроль и над телом и рассудком. Однако ее инстинкты были заточены в суровой школе, и еще через мгновение Лидия смогла действовать. Она обмякла в его руках, повиснув мертвым грузом. И почти сразу почувствовала, что их губы разъединились.

– Вот те на! Девичий обморок...

Ее кулак впечатался в челюсть Эйсвуда.

Глава 2

Следующее, что понял Вир, было то, что он лежит на спине в луже грязи. В ушах звенело, а сквозь этот звон слышались аплодисменты, гиканье и свист толпы. Он слегка приподнялся, опираясь на локти, и, скользя взглядом снизу вверх, увидел черные полуботинки, черную бомбазиновую юбку и, наконец, мужского покроя жакет с застежкой, доходящей до самого подбородка победительницы. Выше последней пуговицы он увидел лицо, столь красивое, что чуть не ослеп, когда в итоге разглядел его. Это была зимняя красота: голубой лед глаз и белый снег кожи, обрамленные лучами декабрьского солнца собранных под черной шляпкой рыжих волос.

В данный момент эти глядящие сверху вниз выразительные глаза изливали холодный голубой свет прямо на него, и такому убийственному взгляду могли позавидовать даже мифические горгоны. Маркиз совершенно не сомневался: если бы миф был не выдумкой, а повествованием о реальных событиях, Вир бы уже превратился в камень.

Впрочем, в какой-то степени так и произошло – он был околдован. Ее храбрость, равно как ее лицо и великолепные формы, возбудила Вира еще до того, как он обнял ее и прикоснулся губами к ее губам.

Между тем эти чувственные губы, на которые он смотрел с таким вождением, дрогнули и раздвинулись в презрительной полуулыбке. Насмешка, которая в них явно читалась, окончательно привела его в чувство.

Было очевидно: Лидия торжествует победу. Значит, так могут думать и другие. Через несколько часов в Лондоне каждому станет известно, что какая-то женщина надрала задницу самому Эйнсвуду, последнему Мэллори-сорвиголове. Но именно как сорвиголова Вир предпочел бы быть медленно поджаренным на вертеле, чем допустить ущемление своей гордости или показать кому-либо свои истинные чувства. Вполне естественно, что на презрительную гримасу этой задаваки он ответил своей задиристой улыбкой, хорошо известной тем, кто с ним когда-либо сталкивался.

– Что ж, пусть это послужит уроком для тебя, – произнес Вир.

– О, оно разговаривает, – сообщила зрителям Лидия. – Значит, есть основания считать, что оно живое.

Она отвернулась. Ее бомбазиновая юбка зашелестела, и этот звук напомнил Виру змеиное шипение.

Игнорируя предложенную помощь, Вир ловко вскочил на ноги. На Лидию он нарочито не смотрел, а когда вновь перевел на нее взгляд, смог увидеть только гордо выпрямленную спину победительницы. Она уходила. Позвав спокойным голосом собаку и девочку, Лидия направилась к юго-западному выходу с Винегар-Ярда и скоро исчезла из поля зрения.

Но и после этого он еще довольно долго не обращал внимания на подошедших к нему мужчин, поскольку в голове его прокручивались сценарии действий, с помощью которых на лопатки была бы уложена она, а не он. Наконец, Вир обратил внимание на стоящую рядом троицу. Это были Августус Толливер, Джордж Карраферс и Адольфус Креншоу. Они его тоже знали или думали, что знают. В любом случае, выглядел он как завсегдатай пабов, какового они и ожидали увидеть.

– Пусть это будет уроком для нее, так? – ухмыльнувшись, произнес Толливер. – Хотел бы я знать, что это за урок? Как сломать челюсть?

– Сломать челюсть? – возмущенно вмешался Карраферс. – Как бы он говорил сейчас со сломанной челюстью? Клянусь, ты – полуслепой. Его уложил не апперкот. Она применила какой-то трюк.

– Я слышал про такие штучки, – произнес Креншоу. – Это что-то, связанное с поддержанием равновесия. Их придумали в Китае или Аравии. Черт его знает, чего еще можно ожидать от этих загадочных нехристей.

– Речь, однако, идет о том, что можно ожидать от леди Гренвилл, – вернулся к изначальной теме Карраферс. – Я слышал, она родилась на болотах Борнео и разводила там крокодилов.

– Более похоже, что в Севен-Дилс, – возразил Толливер. – Слышал, как тамошние ребята аплодировали ей. Они знают девчонку. Не сомневаюсь, что она – одна из них, уроженка трущоб Холли Ленда.

– Где же она тогда выучилась этим языческим трюкам? – спросил Креншоу. – И как так вышло, что еще несколько месяцев назад о ней никто не слышал? Где она жила такую уйму времени до этого? Ведь такую каланчу, как она, трудно не заметить, не правда ли? Или она бывает невидимой?

Он повернулся к Виру, отряхивающему грязь с брюк.

– Ты находился достаточно близко к ней, чтобы рассмотреть и послушать, как она говорит. Чувствуется ли какое-то влияние Холли Ленд в ее речи? Можешь ли ты утверждать, что она родилась в Лондоне?

Название Севен Дилс носила черная сердцевина одного из самых бедных пригородов Лондона – приход Сент-Джайлз, известный также по ироническому наименованию Холли Ленд – «Святая земля».

Вир сомневался, что горгоне Гренвилл потребовалось путешествие, чтобы обучиться грязным приемам драки, один из которых она только что применила. Намеков на кокни он в ее речи не распознал, но это по большому счету ничего не значило. Джейнес вырос в трущобах, однако сумел избавиться от этого специфического акцента. Возможно, ее речь в большей степени была речью леди, чем речь Джейнеса речью джентльмена. Но что это значит? Множество девушек из простонародья корчат из себя светских дам.

Да, в данный момент он, пожалуй, не сможет припомнить хотя бы одну, которой это удалось бы до такой степени. Но стоит ли болтать об этом? Покрытый сверху грязью и бурлящий от раздражения внутри, Вир резонно рассудил, что не стоит далее поощрять своим присутствием «интеллектуальные упражнения» этих болванов на уже затронутые или какие-либо еще темы.

Оставив их, Вир побрел к Бриджес-стрит вне себя от обиды, подобной которой он в последние годы, пожалуй, не испытывал. Ведь что получилось? Он бросился спасать эту никому не известную женщину, которая, как выяснилось, сама нарывалась на скандал. Промедли он хоть чуть-чуть, она, вне всякого сомнения, получила бы нож в спину. Но он не промедлил и в качестве награды получил множество бестолковых рассуждений и издевательские насмешки.

Мисс Наглость в самом деле угрожала ослепить его. Она угрожала ему! Виру Эйнсвуду Мэллори, которого сам владыка темных сил лорд Вельзевул не мог бы испугать и заставить повиноваться.

Не означает ли это, что она, зная, с кем имеет дело, просто подначивала его, чтобы он заткнул ей рот самым простым и доступным для мужчины способом? А если это не так, то почему просто не дала ему пощечину, как сделала бы на ее месте любая порядочная женщина? Думала, что он может дать сдачи женщине? Опасалась, что он утащит ее в Винагар-Ярд и изнасилует перед толпой пьяниц, сутенеров и шлюх?

Чувство обиды еще более усилилось, возбуждая злость. Разве он когда-нибудь опускался до такого? Разве ему когда-либо надо было брать женщину силой? Да разве сейчас он не предотвратил назревавшую женскую драку?

Вир был на полпути к Бриджес-стрит, когда его возмущенный внутренний монолог был прерван чьим-то громким окриком:

– Постойте. Вас же зовут Эйнсвуд, не так ли?

Вир остановился и обернулся. Перед ним стоял человек, которого он вытащил из-под колес кабриолета.

– Сначала никак не мог узнать ваше имя, – сказал, подходя к нему, парень. – Но потом стал вспоминать о Дейне и моей зловредной сестричке, ставшей его женой, и понял, кто вы такой. Я должен был сразу это понять, ведь он много раз о вас упоминал. Но, признаюсь, я страшно торопился добраться до почты, прямо как тот греческий парень. Как его звали? Ну тот, за которым гнались фурии. Короче говоря, так спешил, что мои мозги совершенно заклинило. Короче, если бы та длинная баба на меня наехала, я бы ничего не заметил. Тем не менее, я очень обязан вам, поскольку уверен, что переломать кости под колесами – это более чем глупый и неуклюжий способ отойти от дел. В общем, я буду польщен, если вы согласитесь разделить со мной бутылочку. – Незнакомец протянул руку. – Позвольте представиться. Я – Берти Трент. И я рад с вами познакомиться.

Лидия загнала герцога Эйнсвуда в самый дальний угол своего сознания и сосредоточила внимание на девушке. Это был далеко не первый случай, когда Лидия спасла от улицы юную бродяжку. Как правило, она отводила их в одну из лондонских благотворительных организаций. Однако в начале лета, когда Лидия встретила Бесс и Милли, двух семнадцатилетних девушек, сбежавших от жестоких хозяек, она решила оставить их у себя для помощи в различных делах, которые вечно оставались недоделанными, или, как говорят, в качестве прислуги за все. Что-то подсказало ей, что эти девушки пригодятся, и теперь было очевидно, что интуиция ее не подвела. Сейчас внутренний голос ей подсказывал: этой девушке тоже будет лучше у нее.

К тому моменту, когда Лидия усадила ее и Сьюзен в кабриолет, было ясно: бедняжка не из самых низших слоев общества. Хотя она говорила с легким корнуэльским акцентом, сама речь была грамотной. Кроме того, чуть ли не первым, что она произнесла, было: «Не могу поверить, что это вы – мисс Гренвилл из “Аргуса”. Вряд ли домашняя прислуга или простая деревенская девчонка могли знать об «Аргусе» и его сотрудниках.

Имя девушки было определено корнуэльским – Тамсин Придокс. Ей исполнилось девятнадцать. Лидия думала, что не более пятнадцати, и даже поначалу не поверила новой знакомой. Однако приглядевшись внимательнее, Лидия отметила, что та обладает полноценной женской фигурой. Обманывал ее небольшой рост, в соответствии с которым миниатюрными были все части тела. Правда, имелось исключение – бархатисто-карие глаза девушки. Просто огромные! К сожалению, это не мешало ей быть, как скоро выяснилось, близорукой.

Если не считать одежды, единственным имуществом Тамсин были очки. Их заметно покорежило, а одна из линз треснула.

Мисс Придокс достала очки сразу, как вылезла из кабриолета, объяснив это необходимостью очистить их от пыли, густым слоем лежащей на стеклах. Очки получили повреждения на постоялом дворе, когда кто-то толкнул ее. Как раз после этого, насколько она помнит, из рук выхватили ридикюль и саквояж, причем так резко, что она потеряла равновесие и упала. Когда бедняжка поднялась на ноги, то поняла, что пропал и ее сундучок. Поэтому к ней и подошла та женщина. Она предложила проводить ее на Боу-стрит, где находится магистратура, чтобы заявить о преступлении.

Лидия знала этот старый трюк. Но знала и то, что на него нередко ловятся даже коренные лондонцы, о чем она сообщила девушке, стараясь ее успокоить.

– Тебе не в чем себя винить, – сказала Лидия, когда они подошли к дому. – Это могло со всеми случиться.

– За исключением вас, – уточнила мисс Придокс. – Вы не попадетесь на уловки мошенника.

– Не говори глупости, – поспешно возразила Лидия, подталкивая девушку к двери своего дома. – Я тоже успела наделать множество ошибок.

Сьюзен, как она отметила, не проявляла ни малейших признаков ревности. Это обнадеживало. Осталось только предупредить возможные попытки со стороны собаки поиграть с новой игрушкой в виде человека. Ничего плохого мастифиха, безусловно, не сделала бы. Но и без того запуганная выше всякой меры девушка могла неверно истолковать намерения собаки и, не дай бог, завизжать. А это бы очень сильно расстроило Сьюзен. Поэтому, войдя в холл, Лидия сразу предприняла превентивные меры.

– Это друг, – сказала она, слегка похлопав по плечу Тамсин. – Не обижай ее, Сьюзен. Слышишь? Спокойно.

Сьюзен деликатно лизнула руку девушки.

Тамсин осторожно ее погладила.

– Сьюзен очень умная, – объяснила Лидия, – только общаться с ней надо с помощью самых простых понятий.

– Раньше мастифов использовали для охоты на диких кабанов, не так ли? – спросила девушка. – Она кусается?

– Скорее проглатывает, – уточнила Лидия. – Тем не менее, тебе не надо ее бояться. Если она слишком разыграется, твердо скажи ей: «Сидеть!» Иначе она собьет тебя или с ног до головы вымажет своими слюнями.

Тамсин тихо хмыкнула, что было еще одним обнадеживающим знаком. Вскоре появилась Бесс, а еще через небольшое время гостью напоили чаем, она приняла горячую ванну и задремала.

Лидия, быстро умывшись, прошла в свой кабинет. Только там, заперев дверь, она могла стянуть с себя маску неколебимой и абсолютно уверенной в себе особы.

Ей действительно довелось видеть в этом мире множество таких вещей, о которых не знали благополучные жители Лондона, как мужчины, так и женщины, даже самые мудрые и опытные из них. Однако в обычных житейских делах окружающего мира она была отнюдь не такой искушенной, каковой ее в этом мире считали.

Ни один мужчина не целовал Лидию Гренвилл до сегодняшнего дня.

Даже двоюродный дедушка Сти, не слишком умный, но очень добрый, никогда не позволял себе более чем погладить ее по головке, а потом, когда она стала быстро расти, превращаясь в великаншу, только по руке.

То, что сделал герцог Эйнсвуд, было совсем не похоже на ласку доброго дядюшки. А Лидия оказалась совсем не готовой к этому.

Она поглубже забралась в кресло, сжала склоненную голову ладонями и замерла, рассчитывая, что бушевавшая внутри буря скоро стихнет, чувства придут в порядок, и мир станет вновь привычным и контролируемым.

Но этого не произошло. Более того, вдобавок к воспоминаниям о недавнем происшествии, в сознание, стремительно заполняя его, ворвался неконтролируемый мир ее детства. Смутные образы наплывали, исчезали и вновь появлялись, постепенно восстанавливая в памяти четкую картину, возвращающую в тот страшный день, когда весь мир и ощущение ее места в нем изменились решительно и бесповоротно.

Она увидела себя такой, какой была тогда – маленькой девочкой, сидящей на поломанной табуретке и читающей мамин дневник.

Писать о произошедшем тогда Лидия, конечно, не собиралась, но реши она сделать это, получилось бы, наверное, нечто в стиле «Фиванской розы».

Лондон, 1810 год

Ранним утром, четыре часа спустя после того, как Энн Гренвилл обрела вечный покой в земле приходского кладбища, ее старшая дочь, десятилетняя Лидия, нашла этот журнал.

Он лежал в маминой корзинке для шитья, прикрытый пестрыми лоскутками, которые собирались для рукоделия.

Младшая сестра Лидии Сара довела себя долгими рыданиями до изнеможения и уснула, а их отец Джон Гренвилл ушел поискать утешение в бутылке или в объятиях одной из знакомых потаскух, а по возможности, и в том, и в другом.

В отличие от сестры Лидия спать совсем не хотела, а ее глаза были совершенно сухими. Она была не в состоянии плакать в тот день. Она была слишком сердита на Бога, который дает детям родителей, абсолютно не пригодных для этой роли. В самом деле, что имел в виду Бог, посылая девочкам их отца? Лидия в очередной раз задалась этим вопросом, убирая упавшую на лицо прядь золотистых волос и подбирая кусочек ткани, подходящий для заплатки на передник Сары. Тогда она и увидела небольшую книжечку, заполненную мелким каллиграфическим красивым и четким почерком матери.

Забыв о штопке, она подвинулась поближе к очагу и ночь напролет читала увлекательную, так и оставшуюся во многом загадочной историю. Дневник был невелик, а мать не была склонна к излишней откровенности. Поэтому к моменту, когда на рассвете вернулся отец, она успела прочитать его до конца.

Однако Лидия дождалась середины дня, когда Сара играла на ближайшей аллейке с соседскими детьми, а отец протрезвел и худшие стороны его дурного характера начали смягчаться.

– Я нашла кое-какие мамины записи, – сообщила она отцу. – Это правда, что когда-то она была леди? И что ты когда-то играл на сцене? Или маме просто хотелось в это верить?

Отец почему-то принялся внимательно разглядывать бельевой шкаф, но через какое-то время прекратил это занятие и перевел слегка насмешливый взгляд на дочь.

– Какое это имеет значение теперь? – спросил он. – Ничего хорошего это нам не принесло, не так ли? Неужели ты думаешь, мы жили бы в такой конуре, если бы за твоей матерью было приданое? Что-то для вас изменится, если все, что там написано, правда, мисс Высокородие? Представляешь себя знатной леди?

– Получается, у меня по маминой линии имеются знатные предки, не так ли? – задала очередной вопрос Лидия, игнорируя отцовский сарказм. Она знала его достаточно хорошо, чтобы обращать внимание на подобные уловки.

– Предки? – Отец открыл буфет, пожал плечами, осмотрев его скудное содержимое, и захлопнул дверцу. – Прекрасный способ настроить тебя на такие глупости. И каким же образом мать рассказала тебе об этом.

– Она написала в книжечке, кажется, это был ее дневник, – твердо ответствовала Лидия, – что она леди из старинной знатной семьи. Что маркиз Дейн является одним из ее кузенов. А еще, – продолжила Лидия, – что убежала с тобой в Шотландию и ее семья была страшно разгневана из-за этого, так сильно, что оборвала все связи и посчитала ее отломанной веткой семейного дерева. Я только хочу знать, правда ли все это. Мама была... странной и мечтательной.

– Да уж, именно такой она и была, – рявкнул отец, и глаза его вспыхнули злым огнем. Все вместе выглядело хуже, чем обычная насмешка и даже чем выражение нелюбви к матери, которую он порой не считал нужным скрывать.

Лидия поняла, что зря рассказала о дневнике. Но было поздно. Оставалось, как и много раз до этого, собраться и не показывать своих чувств. Отец приказал:

– Принеси-ка мне эту книжечку, Лидия.

Лидия принесла, и произошло именно то, чего она опасалась. Лидия никогда больше не видела дневника матери. И это был не единственный принадлежащий ей предмет, который исчез подобным образом. Ее вещи продолжали исчезать и в последующие месяцы. Лидия не задумывалась о том, куда он их девал. Лично она ни за что бы не заложила этот журнал. Она

не решилась бы даже что-то в нем подредактировать, не говоря уж о том, чтобы продать. Но для отца это был естественный и единственный способ разжиться деньгами. Деньги эти он, как правило, проигрывал. Иногда, конечно, случались и выигрыши. Но Лидии и Саре практически ничего не перепало.

Многочисленным кредиторам Джона Гренвилла тоже.

Несмотря на постоянную смену имен и адресов, кредиторы поймали его два года спустя. За уклонение от уплаты долгов Джон Гренвилл был арестован и препровожден в Сазерк, в тюрьму Маршалси. В ней он со своими дочерьми провел год, после чего был признан несостоятельным должником и освобожден из-под стражи. Для Сары свобода пришла слишком поздно. К моменту освобождения она уже болела чахоткой и вскоре умерла.

Вывод, который из всего этого сделал Джон Гренвилл, заключался в том, что для его здоровья не благоприятен климат Англии. Оставив тринадцатилетнюю Лидию дядюшке Сти и тетюшке Эфи с обещанием забрать девочку через несколько месяцев, он сел на корабль, отправляющийся в Америку.

В ночь, когда этот корабль отчалил, Лидия и начала вести свой собственный журнал. Первая, изобилующая ужасными грамматическими ошибками запись начинается так: «Папа уехал. Страшно надеюсь, что навсегда и что избавление пойдет всем на пользу».

Будь все нормально, Вир Эйнсвуд отмахнулся бы от благодарности Трента и с такой же легкостью отверг бы его предложение выпить. Но состояние Вира сейчас не было нормальным.

Оно начало выбиваться из колеи, когда Джейнес с миной человека, постигшего истину, принялся рассуждать об обязанности герцога продолжить родовую линию. А ведь любому болвану ясно: линия Мэллори проклята и обречена на угасание. Вир не собирался заводить сына только для того, чтобы через несколько лет беспомощно стоять у постели умирающего.

Вторым оставившим неприятный осадок событием была встреча с этой бушевавшей и скандалившей женщиной. К тому же, как ее Адское Величество поступило с маркизом, его так называемые друзья устроили дебаты по поводу того, откуда она появилась и какую технику применила, чтобы «уронить» Вира на землю. И спорили они так, будто обсуждали достойного ему противника.

Трент в противоположность всему этому вел себя крайне учтиво, был действительно благодарен и искренне предлагал в качестве награды выпивку. Такое поведение и побудило Вира пригласить парня пройтись с ним до дома. Приняв там ванну и переодевшись с помощью смотревшего на него с состраданием Джейнеса в чистое, Вир решил помочь молодому гостю ощутить настоящий вкус ночного Лондона.

Намеченное тестирование отнюдь не подразумевало посещение респектабельных домов, кишящих девицами на выданье. Последний колобродник Мэллори предпочел бы, чтобы ему распорили брюхо тупым ножом, чем приговорили к трем минутам с жеманными девственницами.

Намеченный тур предусматривал поход по заведениям, где за несколько монет можно было получить хорошую выпивку с не склонными к кривлянию женщинами. То, что его светлость выбрал для прогулки те места Лондона, которые обычно называли трущобами, то, что Вир слушал не столько своего спутника, сколько других посетителей значных мест, равно как и то, что интерес герцога к разговору резко усиливался, если в нем упоминалось определенное женское имя, от внимания сэра Бертрама Трента ускользнуло.

Они бы не стали убегать от Джейнеса, но тот был слишком занудным парнем, а Трент занудой не казался.

Трент был самым большим обалдуюем в Северном Хемпшире. Именно так охарактеризовал своего шурина лорд Дейн. И Вир довольно быстро убедился в чрезмерной мягкости такого определения. Помимо того, что Трент периодически оказывался в таких ситуациях, выход из

которых с трудом мог бы найти сам Всевышний со всеми своими ангелами, он проявлял редкий талант попадать под копыта лошадей, наткаться на препятствия в виде людей и неодушевленных предметов, а также падать со всего, на чем стоял, сидел или лежал.

Поначалу, переключая внимание на этого несуразного человека, чтобы отвлечься от заполнявших голову злых мыслей о голубоглазой драконессе, Вир испытывал нечто среднее между удивлением и желанием расхохотаться. Намерению продолжить знакомство это не способствовало ни в малейшей степени. Однако этим же вечером его мнение изменилось.

Вскоре после того как они покинули «Вестминстер Пит», на арене которого терьер Билли продемонстрировал свое поразительное мастерство, задушив, как и было обещано в афише, сотню крыс за десять минут, им встретился лорд Селлоуби.

Этот человек входил в сформировавшийся в Париже круг близких знакомых Дейна, и Трент его хорошо знал. Впрочем, Селлоуби был знаком практически со всеми и знал про всех все. Он по праву считался одним из самых преуспевающих в своем деле собирателем и распространителем слухов.

После обмена приветствиями Селлоуби сочувственно поинтересовался, не получил ли его светлость какие-либо серьезные повреждения в драке с леди Гренвилл.

– Просматривая в Вайт список ставок, я насчитал четырнадцать желающих поставить на количество зубов, которые вы потеряли в... э... в этой пикировке, – сообщил лорд.

Любой знающий герцога Эйнсвуда не сомневался бы: в тот момент над самим Селлоуби нависла реальная угроза лишиться всех своих зубов, а заодно и челюсти.

Однако прежде чем Вир успел проявить малейший признак враждебности, с гневным опровержением слов Селлоуби выступил красный от возмущения Трент.

– Выбитые зубы? – выкрикнул он. – Что за чушь! Была только царапина на щеке. Да и все видели, что герцог только играл с леди. Хотел превратить все в шутку, чтобы повеселить зевак. Ты бы видел, Селлоуби, какие страшные физиономии были у тех бродяг, которые повылазили отовсюду и принялись подзуживать дамочек на мордобою. Ты ведь знаешь, на что способны женщины, когда заведутся. А та, с мастифихой, была с меня ростом...

В таком духе Трент продолжал еще несколько минут, не давая Селлоуби вставить ни слова. Когда баронет, наконец, остановился, злость его светлости улетучилась.

На какой-то момент, пожалуй впервые за год, Вир лишился дара речи. Он не мог вспомнить, когда последний раз кто-то заступался за него с такой горячностью. Однако, как Вир тут же себе напомнил, поведение его вряд ли могло вызвать желание заступиться: он всегда был далек от святости. Таким образом, подытожил Вир свои рассуждения, только парень с бараньими мозгами, такой как Трент, мог возомнить, что Вир Эйлуин Мэллори нуждается в настоящем друге или хотя бы в верном приятеле.

Поскольку сердце герцога Эйнсвуда давно зачерствело, его не очень тронуло заступничество Берти Трента. Душу его светлости точил червячок сомнений относительно собственного поведения в Винегар-Ярд. Неужели стрелы, выпущенные мисс Грендель, смогли не только поцарапать, но и пробить его толстую шкуру?

Зато полное замешательство, в которое привела Селлоуби обличительная речь Трента, произвело на герцога самое благоприятное впечатление – ничего более смешного он за последние месяцы не видел. Поразмыслив, Вир, сделал вывод, что и Трент является самым забавным сумасшедшим, какого ему когда-либо доводилось встречать. Это и побудило его светлость предложить Берти перевезти вещи из гостиницы «Джодж» в дом Эйнсвудов.

Во время обеда Лидия открыла, что мисс Тамсин Придокс обладает безупречными манерами и прекрасным аппетитом, а речь ее интеллигентна и не лишена юмора, абсолютно, впрочем, укладывающегося в рамки приличия. У девушки был тонкий музыкальный голос,

напомнивший Лидии Сару, хотя новая знакомая, конечно же, была намного старше и жизнерадостнее.

За сыром и фруктами Лидия приступила к более детальному расспросам.

– Как я поняла, ты убежала из дома, – мягко сказала она.

Тамсин отложила в сторону нож, которым резала яблоко, и посмотрела Лидии в глаза.

– Я понимаю, мисс Гренвилл, что убежать из дома очень глупо, а искать приюта в Лондоне, возможно, вообще сумасшествие. Однако у каждого человека есть предел терпения, и я подошла к нему.

История Тамсин Придокс оказалась не совсем обычной.

Два года назад ее мать вдруг сделалась фанатично религиозной. Симпатичные платьица оказались слишком фривольными, чтобы их носить. Танцы и музыка, за исключением церковных гимнов, были запрещены, равно как и все печатные издания, кроме Библии и молитвенников. Тамсин украдкой приносила номера «Аргуса», которые, согласно ее определению, стали для нее единственной связью с рациональным миром.

– Я прочитала множество ваших статей и эссе, – сказала она. – Я не сомневалась, что столкнусь в Лондоне с трудностями и готовилась к этому, уверяю вас. Если бы у меня не украли все пожитки, я бы не смела и думать о том, чтобы обратиться к вам. У меня было достаточно денег, чтобы платить за жилье на первое время, а потом бы я нашла работу. Я готова делать все что угодно, если, конечно, речь идет о честном заработке. – Лицо девушки дрогнуло, в огромных глазах блеснули слезы, однако она быстро взяла себя в руки. – Мама и ее друзья-фанатики выгнали папу из дома. Я не видела его две недели, когда мама объявила, что я должна отдать украшения тети Лавиньи. Секта захотела напечатать новые копии проповедей брата Огберта и купить для этого печатный станок. К сожалению, выяснилось, что все станки, имеющиеся в типографиях, могут быть орудием дьявола, и делать на них задуманную работу нельзя. Мама заявила, что я должна пожертвовать на это мои последние украшения, доставшиеся от тети. Это нужно, чтобы спасти души людей.

– Вне зависимости от того, хотят они сами, чтобы их спасали, или нет, – ворчливо заметила Лидия. – Таких спасателей полно и в Лондоне. Тратят деньги на издание Библии и религиозных брошюр, в то время как людям нужны работа, крыша над головой и какая-никакая еда.

– Я тоже так думаю, – сказала Тамсин. – У меня рука не поднялась отдать вещи моей тети каким-то обманщиком. Они достались мне по ее завещанию, и когда я их надевала или просто рассматривала, то вспоминала о ней, о том, какая она была хорошая, как часто мы вместе смеялись. Я любила ее, оч. . . очень любила, – голос девушки дрогнул, и она замолчала.

Лидия тоже бережно хранила медальон Сары. Отнюдь не ценный. Отец наверняка заложил бы эту вещицу либо проиграл, будь она сделана из подходящего для этого металла. Случись это, у Лидии не осталось бы ничего в память не только о матери, но и о сестре. Она не могла носить этот медальон, так как на коже от него оставалось зеленое пятно, но точно знала: он лежит в ее спальне, в шкатулке. Каждый вечер Лидия доставала медальон и думала о своей младшей сестренке, которую так сильно любила.

– Извини, – мягко сказала она, – но шансы вернуть украшения твоей тети весьма невелики.

– Я знаю, надеяться бессмысленно, – ответила Тамсин. – Но я не возражала бы, если бы забрали все остальное, а украшения вернули, даже простила бы похитителей. Но к настоящему моменту воры, уверена, успели перетрясти добычу и возвращать украшения не собираются.

Лидия что-то прикинула в уме.

– А они были ценными?

– Точно не могу сказать, – ответила Тамсин. – Было кольцо с рубинами и подходящие к нему браслет и серьги. Еще очень милый гарнитур из покрытого сканью серебра с аметистами,

кажется, старинной работы. И три кольца. Не знаю, сколько они могут стоить. Они были цельными, без клепки, я понимаю, что это важно. Однако я их даже не пыталась оценивать. Денежное выражение их ценности для меня не имеет значения.

– Если это старинные цельнолитые кольца, велика вероятность, что их будут хранить какое-то время, подыскивая достойного покупателя, – сказала Лидия. – А у меня есть информаторы, связанные со скупщиками краденого. – Она позвонила в звонок и попросила появившуюся через мгновение Милли принести письменные принадлежности. – Давай-ка составим детальный список, – предложила Лидия гостье, когда служанка вышла. – Ты можешь нарисовать их?

Тамсин кивнула.

– Отлично. Это повышает наши шансы проследить путь твоих украшений. Но вовсе не означает, что мы получим их назад, – предупредила Лидия. – Особо надеяться не стоит.

– Я, может, вообще не стала бы переживать из-за этих вещей, – несколько неуверенно сказала девушка. – Но вот парадокс: я уберегла украшения от мамы, которая хотела отдать их благочестивым людям только для того, чтобы они достались людям совсем не благочестивым. Если бы она узнала об этом, то сказала бы, что меня наказал Господь. Ой, как мне не хочется вновь выслушивать подобные сентенции и все ее назидательные проповеди! – Нижняя губа Тамсин задрожала, лицо порозовело. – Хочу сказать... Попросить... Вы же не сообщите им, где я нахожусь, правда? Я оставила им записку: мол, убегаю из дома с любовником. Они думают, что я сейчас в море на пути в Америку. Необходимо было уверить их в своей аморальности и недостижимости, чтобы избежать погони. Понимаете?

– Если ты не можешь «читать отца своего и мать свою», это твое личное дело, – сказала Лидия. – И их беда. Меня это не касается. Но если ты действительно хочешь скрыть свое местонахождение, рекомендую сменить имя на какое-нибудь более распространенное.

«Хотя от лондонских злодеев это, конечно, не уберезет», – отметила она про себя, подумав, что собеседница ее не только гораздо моложе своих лет выглядит, но и гораздо более ранима для своего возраста.

– Надо признать, что в нынешнем твоём бедственном положении есть и моя вина, – продолжила Лидия разговор после непродолжительной паузы. – И так уж получилось, что именно сейчас я решила нанять себе компаньонку. – Ничего подобного она, конечно, не планировала. Но к делу это сейчас не относилось. – Если бы ты согласилась остаться у меня, то сняла бы с меня хоть эту заботу. Я готова предложить тебе комнату, питание и...

Девушка разрыдалась.

– Не обращайтесь внимания, пожалуйста, – пролепетала Тамсин, безуспешно пытаясь утереть слезы ладонями. – Не подумайте, что вы меня чем-то расстроили. Вы такая хорошая.

Лидия встала, подошла к ней и всунула в руку носовой платок.

– Все нормально, – сказала она. – У тебе и без меня были поводы для расстройства. Причем такие, что другая бы на твоём месте билась в истерике. Ну, поревела немного и хватит, я постараюсь, чтобы тебе у меня было хорошо.

– А я не перестаю поражаться вашей выдержке, – сказала Тамсин, вытирая платком глаза, а заодно и нос. – Вы ведь готовы вступить в борьбу с кем угодно и не отступите ни на волосок. Я не знаю, как вы это там сделали. Я никогда раньше не видела герцога, да и сейчас не очень хорошо его разглядела. Могу только сказать, что я впервые видела столь крупного мужчину, а уж что такому можно противостоять, я и подумать не могла. К сожалению, из-за моего зрения перед глазами все расплывалось, и я не могу точно сказать, шутил ли он или действительно сопротивлялся.

– Сомневаюсь, что он сам может точно ответить, – заметила Лидия, стараясь не обращать внимания на горячие мурашки, побежавшие по спине. – Этот мужчина – кретин. Его место в зверинце Эксетер-чейндж вместе с остальным паноптикумом.

В этот момент Милли принесла карандаши и бумагу, поэтому дополнительные усилия для отвлечения гостя от мыслей о лорде Эйнсвуде не потребовались.

Мысли самой Лидии были не столь послушны. И спустя много часов, оказавшись наедине с собой в спальне, она не могла выбросить из головы воспоминания о мимолетном поцелуе или заглушить страстное желание, которое он в ней разбудил.

Лидия присела у туалетного столика, держа в руках медальон Сары.

В мрачные дни их пребывания в тюрьме Маршалси Лидия развлекала сестру историями о прекрасном принце, который однажды прискачет к ним на белом коне. В те времена Лидия была настолько юной и романтичной, что и сама верила в то, что принц действительно приедет и она с ним будет жить в чудесном дворце, комнаты которого заполнит детский смех. Сара, конечно, тоже выйдет замуж за принца и будет счастливо жить со своими детьми в соседнем замке.

Мир взрослых оказался населенным скорее зловещими монстрами, чем прекрасными принцами. В реальном мире герцог, то есть человек, стоящий лишь на одну ступеньку ниже принца, скорее отправит сердитую девицу в тюрьму, чем решит вызволить ее оттуда. В реальном мире никакой поцелуй не должен пробуждать надежды у старой девы с мечтательными глазами.

Лидия прервала эти размышления, напомнив себе, что имеются куда более важные дела. У нее появилась мисс Придокс, которая, возможно, плачет сейчас, уткнувшись в подушку. Бедная девочка. Можно купить ей новую одежду и очки тоже, если не удастся их починить. Тамсин остается у Лидии, а значит, она теперь не одинокая девчонка, какой была совсем недавно.

А вот украшения, этот столь ценный для нее дар... Да, это, должно быть, очень болезненная потеря.

Если бы этот болван герцог притащил бандершу на Боу-стрит, у них бы появился реальный шанс вернуть девушке ее вещи. Ведь весьма вероятно, что обокравшие ее типы работают на Коралию. Она и прежде устраивала подобные игры. Известно, что несколько ее девушек – заправские карманщики, а у ее громил хватит наглости напасть на незащитное дитя.

Однако Вир Эйнсвуд не проявил ни малейшего интереса к проблемам мисс Придокс. И понятно почему – он не был благородным человеком и настоящим рыцарем. Вир только внешне походил на прекрасного принца, а на самом деле был просто бесшабашным гулякой.

«Если бы в этом мире была хоть какая-то справедливость, – накручивала себя Лидия, – то Эйнсвуд превратился бы в гадкую жабу немедленно, как только прикоснулся ко мне губами».

Возможно, измученная душа мисс Гренвилл немного смягчилась бы, знай она, что для Эйнсвуда пережитое им унижение было куда хуже превращения в жабу. К сплетням о себе он давно привык. Будучи прирожденным бедокуром, Вир почти постоянно оказывался в центре то одного громкого скандала, то другого. А с тех пор как к нему перешел титул, весь мир, а газеты тем более, стал следить за его похождениями.

Только его стычка с Дейном во время свадьбы последнего, а также случившееся неделю спустя происшествие с участием незаконнорожденного сына лорда Вельзевула и ужасное завершение гонок конных упряжек, устроенных им в июне, потребовали, наверное, тонн бумаги и десятков бочек чернил.

Сатирические публикации и карикатуры, равно как и шутки в его адрес, проскакивали мимо герцога с такой же скоростью, с какой его внимание скользило от одной из бесчисленных подружек к другой, и с такой же легкостью забывались.

Однако во всех предыдущих происшествиях с участием Вира его оппонентами были мужчины, и противоборство развивалось по спортивным и мужским правилам. На этот раз

противником Эйнсвуда оказалась женщина. И теперь он не знал, что хуже: то, что он опустился до спора с женщиной, хотя всем известно, что женщины самые алогичные существа в подлунном мире, или то, что он попался на один из самых старых трюков в истории поединков. Суть приема, проведенного леди Грендель, заключалась в том, что боец как бы умирал в руках противника. Вир, надломленный смертями близких, с раннего детства уходивших один за другим, просто перестал защищаться.

Очень скоро он начал думать, что надо было швырнуть ее тогда так, чтобы она приземлилась на свою маленькую упрямую головку. Это был бы самый простой способ избежать лавины насмешек, которая обрушилась на него в последующие дни.

Где бы Эйнсвуд ни появился, рядом оказывался кто-нибудь из многочисленных приятелей, желающих потренировать на нем свое скудное остроумие.

К примеру, когда он привел Трента в таверну «Файф Корт» на улице Сент-Мартин, кто-то немедленно заинтересовался, не планирует ли Вир сделать мисс Гренвилл своим постоянным спарринг-партнером. Традиционно собирающиеся там борцы и боксеры прямо-таки попадали от смеха. В другом месте какой-то олух пожелал узнать, когда состоится следующий матч. Спрашивали также, залечил ли Вир свою челюсть, чтобы есть хотя бы овсянку. Еще одним популярным вопросом его дожимал каждый второй: не подойдет ли Виру для следующего поединка бабушка кого-нибудь из присутствующих.

К делу подключились иллюстраторы всех лондонских изданий, принявшиеся соревноваться друг с другом за право стать автором юмористического изображения «великой битвы».

Дня через три после случившегося Вир, медленно закипая, стоял перед витриной книжного магазина, где выставлялась большая отпечатанная картинка с подписью «Леди Гренвилл задает трепку герцогу Э». Художник изобразил его в виде огромного неповоротливого быка, озирающего место события злобным взглядом. Он нависал всей тушей над застывшей в грациозной позе женщиной, представлявшей, надо понимать, горгону. Быку приписывались такие слова: «Эй, милочка, ты должна была слышать о праве сеньора! Я – герцог, неужели ты не знаешь?» Ответ мисс Гренвилл был следующим: «Я покажу тебе право... И слева добавлю!»

Трент, явно не понявший смысла остроты, разглядывал картинку с озадаченным видом. Вир попытался объяснить, что дело в игре слов, но это не очень помогло.

– Я понимаю, что она хочет сказать, – сказал Берти. – Но при чем тут права сеньора. Они же регулируют отношения между двумя феодалами, а ты всего лишь предложил этой маленькой штучке фунт, насколько я помню.

– Право сеньора, – процедил сквозь стиснутые зубы Вир, – это право сюзерена лишить девственности невесту вассала перед свадьбой.

Квадратное лицо Трента залилось краской.

– О, это совсем невесело. Девственницы... Да еще новобрачные, – забормотал он, направляясь к двери магазина с явным намерением разобратся с насмешниками в своем неподражаемом стиле.

Вир оттащил его.

– Это всего лишь картинка, Трент. Шутка, только и всего.

Когда Вир это произнес, в памяти всплыла поговорка «С глаз долой – из сердца вон», и он быстро пошел вперед, чтобы пересечь улицу. Берти последовал за ним, но уже через несколько мгновений его пришлось вытаскивать из-под колес проезжавшего мимо черного кабриолета.

– Да пусть меня повесят! – вскричал тот, спотыкающейся походкой вернувшись на тротуар. – Недаром говорят: помяни черта...

Это была она, причина набивших оскомину шуток и карикатур.

Промелькнув перед их глазами, мисс Боудика⁷ Гренвилл успела отсалютовать в кучерском стиле, поднеся руку к шляпке, и послать им улыбку, больше похожую на гримасу. Будь она мужчиной, Вир бросился бы следом, стащил бы с повозки и стер бы эту наглую улыбку с помощью кулаков. Но Лидия мужчиной не была, а посему Виру оставалось только притушить пыл и наблюдать за ней в течение нескольких секунд, пока кабриолет не свернул за угол.

Из виду она, таким образом, исчезла, но вторая часть поговорки при этом не подтвердилась.

⁷ Боудика – вдова главы союза племен бриттов, живших на территории современного графства Норфолк, возглавившая в начале 60-х годов н. э. восстание против Рима.

Глава 3

Настроение герцога Эйнсвуда могло бы значительно улучшиться, знай он, насколько близка была Лидия к тому, чтобы врезаться в угол дома, а то и въехать в располагавшийся там магазин. Руку от шляпки она отдернула буквально за пару мгновений до столкновения со стремительно приближающейся стеной. Спас опасно крутой вираж, едва не опрокинувший кабриолет.

Кроме того, Лидия с ужасом осознала: за несколько мгновений до этого она чуть не сбила двух стоявших на тротуаре мужчин. Причем произошло все это из-за того, что, как только Лидия узнала более высокого из них, мозг ее заклинило. Совершенно! Лидия в буквальном смысле забыла, где она и что делает. В действительности это продолжалось несколько мгновений, но для нее мгновения оказались слишком долгими. К тому же и после выхода из ступора она не до конца оправилась. Вспоминая о происшедшем, Лидия решила, что салют был выполнен так, как надо, а вот улыбка, как она с ужасом подозревала, была слишком широкой и, чего уже греха таить, глупой. Да, надо называть вещи своими именами, это была глупейшая улыбка лунатика под стать идиотскому сердцебиению, которое Лидия ощутила. Будто она мечтательная девочка тринадцати лет, а не двадцативосьмилетняя старая дева.

Столь же безжалостно Лидия продолжала отчитывать себя на всем пути до исправительного дома. Однако, как только она вошла в это пропитанное страданием заведение, все личные проблемы остались позади.

Лидия направилась в пересыльное отделение, где женщины из различных мест страны, задержанные в Лондоне за нищенство, неделями ожидали отправки в родные места, тем самым утверждая философскую максиму: «Благотворительность начинается дома». За дверью скрывалось длинное помещение с низким потолком, вдоль стены которого протянулся ряд похожих на лошадиные стойла тесных отделений с покрытым соломой полом. Вдоль противоположной стены были сооружены точно такие же «стойла», отделенные от первых проходом и дымящимся очагом. В помещении находились около двадцати женщин, некоторые с детьми.

Одни из них приехали в Лондон в поисках лучшей жизни, другие были обесчещены еще на родине и сюда убежали, чтобы скрыть свой грех. Много было и таких, которых из дома выгнал извечный набор бед: беспросветная жизнь, бедность и жестокость окружающих.

Лидия планировала описать это скорбное место в своем обычном стиле. Она собиралась рассказать понятным всем языком о том, что увидела здесь, и донести до читателей подлинные истории этих женщин без морализаторства и сантиментов.

Заметки и записи интервью были не единственным, что делала здесь Лидия Гренвилл. Однако Лидия считала, что читающей публике совсем не обязательно знать о монетках в полпенни, которые она раздавала интервьюируемым, о письмах, которые писала по их просьбе, и разговорах с разными людьми, которые могли бы им чем-то помочь. Более того, расстраиваясь, что может сделать для этих женщин так мало, и отзываясь сердечной болью на их истории, Гренвилл из «Аргуса» была убеждена: она не имеет права привносить свои эмоции в материалы, которые готовит, поскольку ее чувства касаются только ее и никого более.

Последней из собеседниц была недавно доставленная в исправительный дом пятнадцатилетняя девочка, качающая ребенка, явно ослабленного, даже плакавшего гораздо тише, чем другие малыши. Мальчик лежал на руках матери, уронив голову, и тихо, но постоянно скулил.

– Ты должна помочь мне сделать что-нибудь для тебя, – твердила ей Лидия. Если знаешь, кто его отец, Мэри, скажи мне, и я поговорю с ним. – Девушка, сжав губы, раскачивалась взад-вперед на куче грязной соломы. – Ты удивисься, узнав, сколько отцов соглашаются помочь. – «После того как я поговорю с ними», – могла бы добавить она.

– Иногда эти папочки забирают своих детей, – ответила, наконец, девушка. – А Джимми – единственное, что у меня есть. – Она прекратила раскачиваться и с тревогой посмотрела на Лидию. – У вас есть?

– Дети? Нет.

– А мужчина?

– Нет.

– Даже такого, который пока просто нравится?

– Нет, – быстро ответила Лидия.

«Лгунья, лгунья, лгунья», – издевательски затараторил сидящей в ней чертенок.

– Да, – поправилась Лидия, усмехнувшись.

– У меня тоже: и да и нет, – сказала Мэри. – Я уговаривала себя быть хорошей девочкой и не мечтать о нем. Я понимала, что его мир на мили выше моего, он недосыгаем и никогда не женится на деревенской простушке. Но все эти «нет» были в моей голове, а в душе только сильнее и сильнее разгорались мечты о нем. В конце концов получилось «да», наглядным подтверждением чему является этот малыш. Но вы думаете, я не смогу позаботиться о нем, как должно. Пожалуй, так оно и есть. – Ее нижняя губа задрожала. – Что ж, хорошо. Но вы не должны ни говорить от моего имени, ни писать за меня. Я сама напишу. Сейчас.

Она протянула ребенка Лидии. Та с некоторым опасением взяла его, передав, в свою очередь, блокнот и карандаш.

Лидия видела малышей постоянно – дети были единственной собственностью, имевшейся практически у всех лондонских бедняков. Случалось ей и брать их на руки. Но такого крошечного и беспомощного малютку она держала впервые.

Лидия посмотрела на его маленькое узенькое личико. Мальчик не был ни симпатичным, ни веселым, ни даже чистым. Ей вдруг так захотелось поплакать: о нем, о его так неудачно начавшейся короткой жизни, о его опечаленной маме, которая, по сути, тоже была еще ребенком.

Однако глаза Лидии остались сухими, только сердце в очередной раз закололо. Она прекрасно усвоила: слезами горю не поможешь. Лидия была уже достаточно взрослой, чтобы доверить руководство своими действиями голове, а не сердцу, даже если сердце отказывалось подчиняться. Поэтому она спокойно качала младенца, наблюдая, как девушка медленно водит карандашом по бумаге. Когда Мэри наконец передала ей оказавшуюся очень короткой записку, Лидии сразу стало легче. Она быстро вернула Джимми матери, почувствовав, правда, при этом чуть заметный укол сожаления, и, покидая исправительный дом, отчитала себя за эту маленькую слабость.

Жизнь – не романтическая история. В ее реальности волшебные дворцы детских грез сменил мрачный Лондон. А эти забытые всеми женщины и дети стали ее наперсницами и предметом забот, по сути семьей, и другой у нее не было.

Лидия не могла стать для них волшебницей, способной дать лекарство от всех бед, но в ее власти было сделать для них то, чего она не смогла сделать для своей матери и сестры. Лидия могла говорить за них. Их голоса, звучащие со страниц «Аргуса», слышали многие. Это и есть ее призвание, напомнила она себе. Для этого Бог и создал ее сильной и умной. Ведь не для того же, чтобы стать игрушкой какого-нибудь мужчины. И уж точно Лидия не имеет никакого права рисковать уже наработанным, тем более из-за смутного образа прекрасного принца, неожиданно вновь проснувшегося в мятежном сердце.

Через три дня леди Грендель у клуба «Крокфорд», что на Сент-Джеймс-стрит, после того как чуть не сбила Вира и Берти, едва не разбила лицо Адольфусу Креншоу. Вир и Трент присоединились к столпившимся у окон зрителям в момент, когда Лидия схватила парня за шейный платок и припечатала его к фонарному столбу.

С неприятным ощущением дежавю Вир выскочил из клуба, бросился к Лидии и обхватил ее за талию. От неожиданности она выпустила платок, что дало возможность Виру приподнять ее над тротуаром и опустить вновь подальше от тяжело дышащего Креншоу.

Лидия попыталась вновь применить свой удар локтем, но Вир увернулся, не выпуская ее из рук. А вот к последовавшему тут же удару ногой по лодыжке он оказался не готов. Однако, даже пропустив его, он, несмотря на пронзившую ногу боль, не выпустил Лидию. Более того, Вир сгреб ее в охапку и потащил подальше от собравшейся у входа в клуб группы зевак.

Она всячески сопротивлялась. Вир тоже изо всех сил боролся, но прежде всего с желанием бросить ее на проезжую часть, предоставив возможность какому-нибудь извозчику сделать доброе дело для Лондона. Однако вместо этого он просто подозвал кэбмена.

– Сядете самостоятельно или я вас заброшу? – спросил он учтиво, когда перед ними остановился экипаж. – Выбор за вами.

Лидия процедила сквозь зубы что-то похожее на синоним слова, означающего окончание прямой кишки, но когда Вир распахнул дверцу, она быстро забралась внутрь экипажа. Вира такая поспешность не обрадовала, поскольку не позволила сделать задуманное – шлепнуть ее напоследок по заду.

– Где вы живете? – спросил он, когда Лидия устроилась на пассажирском сиденье.

– В сумасшедшем доме. Где же еще?

Вир запрыгнул в карету и, схватив Лидию за плечи, встряхнул ее.

– Где вы живете, черт вас поберет?

Лидия упомянула еще несколько частей тела, с которыми он якобы имел сходство, прежде чем неохотно призналась, что обитает на Фрит-стрит в Сохо.

Вир хотел было занять место рядом с кэбменом, но передумал и опустился на сиденье рядом с Лидией. Впрочем, сказать «рядом» было не совсем правильно, поскольку Лидия ухитрилась отодвинуться настолько, что между ними осталось изрядное пространство.

На какое-то время в экипаже установилось напряженное молчание. Но вскоре Лидия не смогла более сдерживать распиравший ее гнев.

– Послушайте, – зло выпалила она, – что вы бросаетесь на всех?

– Я бросаюсь? – переспросил Вир. – Мне казалось, это вы только что...

– Я не думала делать Креншоу ничего плохого. – Просто хотела, чтобы он выслушал меня. Но прежде надо было сделать так, чтобы Креншоу полностью сосредоточился на том, что я собиралась сказать.

Несколько мгновений Вир молча смотрел на нее, явно не веря услышанному.

– А у вас не было никакой необходимости устраивать сцены, тем более сейчас, на Сент-Джеймс, – продолжила после короткой паузы Лидия. – Подозреваю, однако, что говорить вам об этом нет смысла. Всем известно, что вы любите выставлять себя посмешищем. Из-за этого вы и носились из одного конца Англии в другой, по крайней мере в течение последнего года. Но было очевидно: рано или поздно вы прискачете обратно, чтобы вновь устроить свой фирменный крошечный ад в Лондоне. Я только не думала, что это случится так скоро. Ведь после ваших позорных гонок прошло всего три месяца.

Вир понял, что пора вступать в разговор.

– Я знаю, для чего вы все это затеяли...

– Вы не имеете ни малейшего понятия об этом, – Лидия не дала ему закончить фразу. Как обычно. Вы не пытаетесь выяснить причину происходящего, прежде чем вмешаться. Выскакиваете откуда ни возьмись, руководствуясь своими дикими соображениями, и сразу встречаете. Вы встретились на моем пути второй раз, и оба раза дело, которым я занималась, еще более запутывалось, а его решение откладывалось.

Виру была понятна ее тактика: лучший способ защиты – нападение. Данным принципом он руководствовался сам. Однако это вовсе не означало, что он позволит ей увести разговор от заданной темы.

– Позвольте объяснить вам кое-что, мисс Джентльмен Джексон Гренвилл, – сказал Вир. – Вы не сможете вымещать свою злость на Лондон, мутузя кулаками каждого парня, который попадаете вам на пути. До сих пор вам везло, но однажды вам непременно встретится мужчина, который даст вам сдачи...

– Возможно, – перебила Лидия его с вызовом. – Но непонятно только, какое вам до этого дело.

– Мне всегда есть дело, – произнес Вир сквозь стиснутые зубы, – когда я вижу, что мой друг нуждается в помощи. А поскольку...

– Я не ваш друг и в вашей помощи не нуждаюсь!

– Поскольку Креншоу является моим другом, – не обращая внимания на эту реплику, продолжил Вир, – и поскольку он как джентльмен не может врезать вам как следует...

– Не такой уж он и джентльмен, если мог соблазнить пятнадцатилетнюю девочку и бросить ее.

Столь неожиданный выпад привел Вира в замешательство, но он быстро с собой справился.

– Тольке не говорите, что та крошка, из-за которой вы пытались устроить скандал во время нашей первой встречи, утверждает, что Креншоу ее соблазнил. Ни за что не поверю, поскольку точно знаю: она совершенно не в его вкусе.

– Здесь я согласна! – воскликнула горгона. – Она гораздо старше. Ей целых девятнадцать. Прямо-таки древность для Креншоу. Он любит девочек лет четырнадцати-пятнадцати.

Мадам Оскорбленное Достоинство достала из кармана мятый клочок бумаги и протянула его Виру.

С явным неудовольствием Вир взял его, разгладил и стал читать.

Написанная присущими почерку школьницы большими округлыми буквами записка сообщала Креншоу о том, что у него есть двухмесячный сын, который находится сейчас в исправительном доме.

– Девушка содержится в пересыльном отделении, – добавила Лидия не без ехидства. – Я видела малютку. Джимми – вылитый папа.

Вир вернул ей записку.

– Как я понимаю, вы объявили об этом Креншоу при его друзьях.

– Я просто передала ему записку, – сказала Лидия. – Он прочитал ее, скомкал и выбросил. Три дня подряд я пыталась встретиться с ним и поговорить, но каждый раз, когда звонила в дверь его квартиры, слуга сообщал, что мистера Креншоу нет дома. Мэри отправят туда, откуда она приехала, и поместят в работный дом ее прихода, причем, видимо, уже через несколько дней. Если он не поможет ей, ребенок умрет. И Мэри, скорее всего, тоже. От горя. – Леди-дракон перевела свой ледяной взгляд на окно. – Она сказала, малыш – единственное, что у нее есть. Но в то время, когда его отец регулярно ходит в «Крокфорд», чтобы спустить деньги, играя в карты или в кости, больной сын с каждым днем слабеет, и некому позаботиться о нем, кроме мамы, которая сама еще ребенок. У вас прекрасные друзья, Эйнсвуд!

Тридцатилетний мужчина, соблазвивший неопытную деревенскую девочку, с точки зрения Вира, был негодяем. И то, как его дружок поступил с этой несчастной запиской, безусловно, не имело оправданий. Однако он не собирался признавать это перед мисс Самозваной Защитницей Общественной Морали.

– Позвольте мне дать вам еще один совет, – сказал он. – Если вы хотите получить чего бы то ни было от мужчины, не стоит вышибать ему мозги, колотя его головой о фонарный столб.

Лидия отвернулась от окна и устремила взгляд прямо на него.

Вира удивила сила озлобления, которую был способен проявить и направить на него этот шокирующе прекрасный монстр в женском обличье. Царивший в экипаже полумрак немного смягчал исходящую из ее глаз ударную волну. Но при этом такое освещение создавало обстановку интимности, мешавшую Виру смотреть на спутницу отчужденно и равнодушно.

Он уже видел ее так близко, правда, во сне. Во сне это ни к чему не могло привести. Сейчас могло. Достаточно было поднять руку, и Вир мог прикоснуться к нежно-шелковистой коже ее щек, чуть придвинуться – и ощутить вкус ее мягких, будто налитых сладким соком губ.

Если бы желание прикоснуться к ним и ощутить их вкус не было таким сильным, Вир бы прекратил бороться и подчинился ему, как он обычно делал ранее. Но он хорошо помнил, что именно так он поступил на Винегар-Ярд и чем это закончилась, а вновь оказаться в дураках ему совсем не хотелось.

– Все, что вам надо было сделать, – это улыбнуться, похлопать ресницами и придвинуть груди поближе к его глазам. И Креншоу – ваш.

Лидия очень долго, как ему показалось, не мигая смотрела ему в лицо, затем извлекла из кармана пышной черной юбки блокнот и огрызок карандаша.

– Необходимо записать это, – сказала Лидия. – Нельзя допустить, чтобы хоть слово столь ценного и мудрого совета было забыто. – Она с церемонной тщательностью открыла пухлый блокнот, облизнула кончик карандаша, затем наклонила голову и что-то записала.

– Улыбнуться, – зачитала Лидия, – похлопать ресницами... Что еще? Надо показать какую-то вещь?

– Тогда уж не вещь, а вещи, – поправил Вир, наклоняясь, чтобы увидеть написанное, – во множественном числе. Твои груди, я имею в виду. Тебе надо было сунуть их под самый его нос.

В данный момент они были перед его носом и всего в нескольких дюймах от нетерпеливых пальцев.

Лидия с забавной готовностью записала и этот совет, сосредоточенно сузив глаза и прикусив чуть высунувшийся кончик языка.

– И будет более эффектно, если ты наденешь платье с более открытым лифом, а то мужчина может начать задавать себе вопрос, не подложила ли ты туда что-нибудь для придания формы.

Самого его сейчас интересовали другие вопросы. Понимает ли она хоть немного, какое дикое искушение вызывает в нем возможность столь долго смотреть на укрытые под курткой мужского покроя прелести? Догадываются ли женщины, как сильно из-за такой одежды мужчинам хочется увидеть в натуре женские формы, которые они под ней так жестоко скрывают? Наконец, какая ведьма изобрела исходящий от нее аромат, эту кружащую голову дьявольскую смесь запахов тумана, лилий и чего-то еще, чему он не мог придумать названия.

Голова Вира склонилась ниже.

Лидия посмотрела на него, скривив губы в чуть заметной улыбке.

– А теперь послушайте, что я вам скажу, – обратилась она к собеседнику. – Почему бы вам самому не взять карандаш и не занести в блокнот все ваши фантазии? У меня бы тогда появилось нечто вроде девичьего альбома с записью на память о нашей чудесной встрече. Или вы так и будете горячо дышать мне в шею?

Вир нарочито медленно, так, чтобы не выдать своего огорчения, распрямился.

– Вы недостаточно сведущи в анатомии, – сказал он. – Я дышал вам не в шею, а в ухо. Если вы хотите ощущать мое дыхание на вашей шее, вам не следует носить столь высокие воротники.

– Больше всего мне хотелось бы, чтобы вы дышали где-нибудь на Мадагаскаре, – мгновенно парировала Лидия. – Кстати, я наконец поняла, почему вы набросились на меня на Сент-Джеймс-стрит. Я могла там побить вашего приятеля, а вы не хотите, чтобы я была кого-нибудь, кроме вас.

Его и так бившееся в два раза быстрее обычного сердце заколотилось еще сильнее. Но Вир сумел скрыть это и изобразить взгляд, полный сожаления.

– Бедняжка, – произнес он. – От всех этих переживаний у вас воспалился мозг.

В этот момент экипаж остановился, что принесло ему заметное облегчение. Сохраняя на лице жалостливо-озабоченное выражение, Вир галантно помог Лидии выйти.

– Постарайтесь хоть немного поспать. Ваша голова нуждается в отдыхе. Если не поймете причину проблем, ее угнетающих, утром обязательно пошлите за доктором, – заботливо посоветовал Вир и, не давая возможности придумать ответ, тихонько подтолкнул ее к дому, крикнул кучеру: В «Крокфорд»! – и вернулся в экипаж.

Лидия успела наградить его презрительной улыбкой, затем быстро отвернулась и, слегка виляя бедрами, неторопливой походкой пошла к подъезду желтовато-серого дома.

Лидия обладала врожденным талантом имитации, что позволяло ей легко копировать поведение, манеры и даже внешность других людей. Сти и Эфи говорили, что такими же способностями обладал ее отец. По их словам, знаменитым трагиком он не стал лишь потому, что упорному труду предпочитал пьянство, азартные игры и разврат.

Лидия нашла своему дару лучшее применение. Он помогал ей переносить на бумагу образы описываемых ею людей так ярко и точно, что читатели почти видели их. Кроме того, она научилась, пользуясь им, устанавливая дружеские отношения с коллегами-мужчинами, которые видели в ней своего парня. А после того как месяц назад Лидия наглядно представила лорда Линглея, выступающего с речью в палате лордов, ее удостоили приглашения на «писательскую среду» в таверну «Голубая сова» – своего рода литературный салон, где ночь напролет обсуждались вопросы творчества и политики. С тех пор участники этих еженедельных собраний не мыслили их без Гренвилл из «Аргуса» и ее забавных перевоплощений.

Этим вечером Лидия продемонстрировала свой талант перед Тамсин, которая совсем недавно получила новое имя – Томасина Прайс, а посему ей было лучше избегать встреч и повторного знакомства с уже известным ей Эйнсвудом.

Они расположились в спальне Лидии. Тамсин сидела на краю кровати и наблюдала за сценками, разыгрываемыми у очага. Хотя до сих пор Лидия выступала исключительно перед изрядно выпившими мужчинами, а Тамсин была абсолютно трезвой, смеялась она так же весело, как и писательская братия.

Делая заключительный поклон, Лидия с радостью отметила, что девушка наконец ожила. Чего она не могла сказать о себе. Ей решительно изменило ставшее привычным умение абстрагироваться от неприятностей и смотреть на них как бы со стороны.

Чтобы хоть как-то отвлечься от беспокойства и неприятной тяжести в груди, Лидия подошла к туалетному столику, села и принялась вынимать шпильки, удерживающие ее волосы.

Тамсин несколько минут молча наблюдала за этим занятием, затем сказала:

– Мужчины – такие странные существа. И я начинаю думать, что герцог Эйнсвуд один из самых странных среди них. Я просто не могу понять, какой он.

– Герцог из тех людей, которые не переносят мир и спокойствие, – сказала Лидия. – Если нет переполоха, он сам устраивает его. Эйнсвуд постоянно попадает в истории, иногда дерется даже со своими старыми друзьями. Раньше я думала, что люди преувеличивают его тягу к созданию проблем. Но теперь убедилась в этом лично. Герцог Эйнсвуд буквально не в состоянии успокоиться и отстать. Он не мог, например, просто посадить меня в карету и отправить восвояси. Ему надо было еще доставать меня всю дорогу. Теперь я не удивляюсь тому, что Дейн поколотил его. Эйнсвуд и святого доведет до кипения.

– Никогда не слыхала, что лорд Дейн святой, – усмехнулась Тамсин. – Судя по тому, что я знаю, они с герцогом – два сапога пара.

– Возможно. Но Эйнсвуду явно не следовало затевать драку в брачную ночь друга. – Лидия сердито посмотрела на свое отражение в маленьком зеркале. – Этот скот должен был подумать хотя бы о чувствах леди Дейн.

Лидия и сама не знала, почему ее до сих пор так раздражают воспоминания о той потасовке в «Амсбери». С Дейном ее ничто не связывало. Правда, он приходился ей дальним родственником – семья ее матери принадлежала к одной из младших ветвей рода Баллистеров, к которому относился и Дейн. Однако, после того как мать вышла замуж за Джона Гренвилла, Баллистеры отказались признавать ее. В результате, насколько Лидии было известно, никто из ныне здравствующих родственников не знал о том, что она имеет отношение к этому роду, и раскрывать эту тайну она не собиралась. Однако победить голос крови она была не в силах – не могла заставить себя не беспокоиться о Дейне, хотя, как правильно заметила Тамсин, его поведение было под стать манерам Эйнсвуда.

В день свадьбы Дейна Лидия стояла у собора Святого Георга на Ганновер-стрит. Как и другие репортеры, она ловила сенсацию. Однако когда Дейн под руку с новобрачной вышел из церкви, его черные глаза светились отнюдь не сатанинским огнем, а его леди с такой любовью смотрела в его смуглое грубое лицо... В общем, Лидия не помнила, как это у нее получилось, но она растолкала толпу журналистов и, не обращая внимания на ругань зевак, протиснулась вперед, поближе к новобрачным.

Как абсурдно это ни звучит, но с тех пор Лидия ощущала какую-то болезненную привязанность к нему и совсем нелепое желание защитить. Она была буквально взбешена, когда узнала, что Эйнсвуд испортил Дейну первую брачную ночь, разозлившись безо всяких причин и закатив дурацкий скандал.

– Но герцог, наверное, хватил лишнего. Да? – вторгся в ее воспоминания голос Тамсин.

– Коль скоро Эйнсвуд стоял на ногах и говорил связно, он не был настолько пьян, как могло показаться, – ответила Лидия. – Ты и представить не можешь, сколько могут выпить мужчины подобного сорта, особенно такие огромные болваны, как Эйнсвуд. – Ее глаза сузились. – Он только притворяется пьяным. Так же как и глупцом.

– Вот именно. Это я и имела в виду, когда назвала его поведение странным, – сказала Тамсин. – Герцог Эйнсвуд не из тех, кто не умеет правильно выговаривать слова. Очевидно также, что надо очень быстро соображать, чтобы вести с тобой словесный поединок, Лидия. И будь он туповат, ты, вне всякого сомнения, заставила бы его в экипаже засунуть язык куда-нибудь подальше. А вместо этого... – Тамсин нахмурилась и на мгновение смолкла. – Ладно, трудно сказать, кто из вас победил.

– Была ничья. – Лидия взяла расческу и со злостью провела ею по волосам. – Правда, последнее слово осталось за ним. Но только потому, что он подтолкнул меня, не дав возможности ответить. Причем сделал это так по-детски, что я с трудом сохранила строгое лицо и подавила смех.

– О, посмотри, что ты делаешь! – вскрикнула вдруг Тамсин. – Так ты рискуешь вырвать клочок волос и поцарапать кожу. – С этими словами она поднялась с кровати и подошла к туалетному столику. – Давай я тебя причешу.

– Ты не служанка.

Тамсин все же забрала у нее расческу.

– Если ты злишься на его светлость, совсем не обязательно снимать с себя скальп.

– Он дал Креншоу возможность уйти, – сердито сказала Лидия. – И сам ничего не собирается делать. Свинья! А Мэри Бартис скоро отправят домой и будут относиться к ней как к отбросу общества. Но она не такая, как многие другие...

– Я знаю. Ты мне рассказывала, – напомнила Тамсин.

– Мэри не хотела давить на Креншоу, – продолжила Лидия с прежней злостью, не реагируя ни на слова собеседницы, ни на ставшие мягкими и приятными движения расчески. –

Мужчины такие негодяи. Он просто отойдет в сторону, без малейшей попытки помочь бедной девочке.

– Может быть, герцог поговорит с ним, – предположила Тамсин.

Лидия дернула головой, увертываясь от расчески.

– Какого черта ему этим заниматься? – крикнула она. – Я же говорила, что Эйнсвуд сказал, когда прочитал записку Мэри. Сразу же принялся насмехаться надо мной.

– Возможно, гордость ему не позволила...

– Знаю я эту мужскую гордость! – Лидия вскочила со стула и принялась ходить от туалетного столика к камину и обратно. – Герцог увидел способ отомстить мне за то, что произошло на Винегар-Ярд. Наверное, выпил уже дюжину бутылок шампанского, отмечая великую победу над леди Грендель. Ведь Эйнсвуд сделал главное для себя: показал своему другу, что ему ничего не стоит схватить такую мелочь, как я, поднять, чтобы я не дергалась, и протащить чуть ни до соседней улицы, будто я ничего не вешу. Я всю дорогу сопротивлялась. А герцог даже глазом не моргнул. Провалился он пропадом!

Зато ее глупое сердце, приходится признать, начало таять оттого, что Эйнсвуд такой сильный, а за сердцем затуманились мозги. От одного этого мутит. Гадость какая! Еще недавно Лидия не поверила бы, что в голову могут прийти такие вздорные мысли.

– А когда Эйнсвуд опустошит винный погреб «Крокфорда», – продолжила кипятиться она, – и бросит тысячу-другую фунтов на игорный стол, то с чувством выполненного долга уйдет из клуба и отправится в дорогой бордель.

«И будет своими сильными руками обнимать проститутку, – продолжила Лидия уже про себя, – и щекотать носом ее шею, и...». Она осеклась, напомнив себе, что ей до всего этого нет никакого дела.

– Герцог скоро забудет и о моем существовании, хотя я довольно заметна и сумела задеть его, – продолжила изливать свое негодование Лидия. – А уж о клочке бумаги с запиской от какой-то нищенки и подавно. К тому же он, видимо, думает, что Мэри просто хочет выманить у его друга деньги. Бедное дитя, она и не подозревала, что мужчины бывают такими вероломными!

– Непонятно, почему вообще все устроено так несправедливо? В подобных ситуациях всегда страдает женщина, а мужчина получает еще один повод гордиться своими «подвигами», – сказала Тамсин. – Но мы не допустим, чтобы бедняжка страдала. Я знаю, ты завтра должна присутствовать на дознании, но в исправительный дом могу съездить и я...

Лидия от неожиданности остановилась.

– Ты не можешь ехать, ни в коем случае.

– Не бойся, я возьму с собой Сьюзен. Ты только объясни мне, что нужно сделать, чтобы забрать оттуда Мэри и ее малыша. Если требуется штраф, можешь вычестить нужную сумму из моего жалованья. – Она подошла к ошеломленной Лидии, взяла ее за руку и отвела обратно к туалетному столику. – Они могут пожить в моей комнате, пока мы подыщем для них что-нибудь более подходящее. Но самое главное – поскорее забрать их оттуда. Срок пребывания в Лондоне истекает в четверг, не так ли? А завтра уже среда. – Тамсин усадила Лидию на стул. Напиши, пожалуйста, что я должна сделать, и завтра утром я приступлю к делу. Где твой блокнот?

– Черт побери, да ты превращаешься в весьма деловое существо! – воскликнула Лидия.

Тем не менее она послушно полезла в карман, и было что-то очень забавное в этом ее подчинении девочке, почти в два раза уступающей ей в размерах и десятью годами – в возрасте.

Лидия быстро нашла блокнот, однако карандаша в кармане не оказалось. Похоже, она уронила его в карете.

– Карандаши в ящичке ночного столика, – сказала она Тамсин.

Девушка тут же нашла, что требовалось.

Лидия взяла карандаш и посмотрела в спокойные глаза своей компаньонки.

– Ты уверена, дорогая?

– Я сумела самостоятельно добраться до Лондона с другого конца Англии, – сказала Тамсин. – А в беду попала из-за плохого зрения. На этот раз обещаю, я ни за что не потеряю свои очки. Возьму Сьюзен в качестве телохранительницы. Я буду счастлива, если удастся, наконец, сделать что-нибудь полезное, – искренне добавила Тамсин.

«Итак, – подумала Лидия, – через шесть дней выяснилось, что Тамсин желает быть полезной. За это время девушка сумела доказать, что далеко не глупа». К сожалению, Лидия о себе ни того ни другого сказать не могла. Она вздохнула и стала писать.

Ранним утром в четверг наемный экипаж увез Адольфуса Креншоу, Мэри Бартлес и маленького Джимми из исправительного дома.

Берти Трент тоже должен был уехать с ними, но он впал в периодически поглощающее его состояние абстракции, а потому стоял неподвижно и что-то бормотал себе под нос.

– Нет. Точно второй Карл. И что-то я должен был сделать с ним, – можно было при желании разобрать. – Только что именно? Вот в чем вопрос.

Внезапно пронзительный женский крик прервал его размышления, он поднял глаза и увидел огромного мастифа, тащившего на поводке миниатюрную женщину в очках. Женщина пыталась остановить собаку. Но с таким же успехом она могла бы останавливать взбесившего слона. Было очевидно: маленькая женщина с трудом удерживает равновесие и того гляди упадет. Трент поспешил бедняжке на помощь и схватил собаку за ошейник. Чудовище повернулось к нему и зарычало, оскалив зубы.

Берти укоризненно посмотрел на животное.

– Ну и что я такого сделал, что ты хочешь откусить мою руку? Не завтракала сегодня?

– Гр-р-ры, – ответила собака, возвращаясь к девушке.

Берти осторожно выпустил ошейник.

– О, из-за этого, да? Но, поверь, я не хотел сделать ничего плохого ни тебе, ни твоей хозяйке. Это ты, моя милочка, слишком сильно тянула ее, потому что не умеешь рассчитывать свои силы.

Мастифиха перестала рычать, но смотрела на незнакомца настороженно.

Берти, поглядывая на нее примерно с таким же выражением, предъявил ей открытые ладони, ничем не защищенные, если не считать тонких перчаток. Собака понюхала их, что-то проворчала, скорее для себя, чем для окружающих, и села.

Берти поднял взгляд и чуть выше большой головы собаки увидел лицо внимательно наблюдавшей за ним девушки. Через линзы крошечных очков, сидящих на маленьком симпатичном носике, на него смотрела пара огромных карих глаз.

– О, послушайте, ведь это вы, та, которая была тогда на Винегар-Ярд в тот день! – воскликнул он. – Только тогда вы были без очков. Надеюсь, это не из-за той злой бабы. Она не повредила вам глаза?

Прежде чем ответить, девушка несколько секунд растеряно смотрела на него.

– Я близорука, – сказала она наконец. – А без очков я была ... э... в прошлый раз, потому что они были сломаны. Мисс Гренвилл оказалась так добра, что починила их. – Девушка вновь ненадолго замолчала, затем продолжила: – Вы, кажется, были там, когда она меня спасла. Ваше лицо сразу показалось мне знакомым, но я не была уверена. Когда я без очков, все вокруг для меня кажется размытым, будто в тумане.

– В таком случае вам следует беречь очки, – одобряюще кивнул Берти. – Вот ведь как интересно, – продолжил он, прямо по поговорке «Помяни черта...». – Я ведь именно о ней думал сейчас. Я видел ее вчера вечером, и она упорно твердила мне о ком-то, только я не могу вспомнить о ком. В голове крутится «Второй Карл», но к чему это, непонятно.

– «Второй Карл»? – девушка посмотрела на него озадаченно.

– Да, не тот, которому отрубили голову, а следующий... Тот, который жил, когда был пожар.

Она еще раз удивленно посмотрела на новознакомца, затем в глазах ее мелькнула догадка.

– А-а, король Карл Второй. Возможно, вы вспомнили о нем, потому что мисс Гренвилл так очаровательна.

– Гав, – подтвердила собака.

Берти, задумавшись, погладил ее по голове.

– Собаку зовут Сьюзен, – сообщила девушка.

Только тут Берти вспомнил о правилах приличия и поспешил представиться. От девушки он, в свою очередь, узнал, что ее зовут мисс Томасина Прайс и что мисс Гренвилл пригласила ее пожить у нее в качестве компаньонки.

Томасина перевела любопытный взгляд на здание за его спиной и нахмурилась.

– Выглядит не слишком гостеприимно, не так ли? – сказала она.

– Менее веселого места мне еще не приходилось видеть, – ответил Берти.

Он подумал, что еще менее весело было внутри этого здания девушке, которой Креншоу сделал ребенка. Берти узнал о ней вчера вечером и, собственно, из-за этого здесь сейчас оказался.

Когда Эйнсвуд ушел, утащив отчаянно сопротивлявшуюся мисс Гренвилл, Берти предложил Креншоу промочить горло в пабе.

– Если на тебя набрасывается женщина, это очень расшатывает нервы, – начал Берти разговор.

Креншоу, нашедший наконец симпатизирующего ему собеседника, рассказал о своих проблемах. Однако Берти, терпеливо все выслушав, вдруг заявил, что факт всегда остается фактом, хочется в него верить или нет. Факт же, по его словам, заключается в том, что есть подозрение, будто Креншоу является отцом незаконнорожденного ребенка. Надо разобраться, а чтобы разобраться, надо увидеть все собственными глазами. Почему бы им не попытаться сделать это?

В результате они отправились этим утром в исправительный дом, где стало ясно: обвинения в адрес Креншоу оказались справедливыми. Креншоу немного повозмутился для приличия, но в конце концов заявил, что позаботится о Мэри и Джимми. Вот так оно все и вышло.

Что бы о нем ни думали, сложить два и два Берти мог. Рядом с ним была компаньонка мисс Гренвилл, которая вчера вечером набросилась на Креншоу из-за Мэри Бартлес, а за спиной находился исправительный дом, где недавно содержалась Мэри.

– Вы здесь, случайно, не для того, чтобы забрать из пересыльного отделения молодую мать и ее ребенка? – спросил Берти. – Тех, из-за которых мисс Гренвилл так взбеленилась вчера вечером? Можете доложить хозяйке, что приехал Креншоу и увез их. Я сам был с ним и могу заверить: они уехали отсюда чуть менее четверти часа назад, все трое. О, Юпитер! А он-то что здесь делает в такое время?

Девушка обернулась, проследив за взглядом Берти.

Там стоял герцог Эйнсвуд собственной персоной, уже проснувшийся, вопреки утверждениям Джейнеса, что это невозможно до середины дня, и пьяный как извозчик. Время появления объясняло Берти, почему его светлость был хмурым, как грозовая туча. Но почему он выбрал его для прогулки, было совершенно непонятно.

За несколько футов от того места, где стояла девушка, Вир увидел черную собаку и мгновенно узнал. Он счел бы за лучшее развернуться и пойти в обратную сторону: черная мастифиха была неизменной спутницей амазонки. Однако животное устало на Вира неподвижным взглядом, обнажило зубы и тихо угрожающе заворчала. Ретируйся он, получилось бы, что

собака обратила в бегство герцога Эйнсвуда. Еще чего! Он продолжал двигаться вперед, подчеркнуто равнодушно глядя на рычащую собаку. Вир с восхищением отметил наличие мощных мышц, переливающихся под ее черной шкурой, и то, что она великовата для существа женского пола.

– Вижу, она отнюдь не из карликовой породы, – сказал он. – Очаровательный экземпляр. Мاستифиха натянула поводок. Берти Трент схватил ее за ошейник.

– Столь же дружелюбна, как ее хозяйка, – прокомментировал Вир. – Между прочим, надо было быть чересчур умным, чтобы оставить ее щенком на попечение девицы, которая совершенно не в состоянии контролировать такую собаку. Впрочем, у мисс Гренвилл все так. Полная безответственность...

– Это мисс Прайс, Эйнсвуд, – перебил его рассуждения Берти. – А это Эйнсвуд, мисс Прайс. А это прекрасное существо, пытающееся вырвать из сустава мою руку, зовут Сьюзен. Прекрасное сегодня выдалось утро, мисс Прайс, не правда ли? Позвольте я найду для вас экипаж, и вы сможете поехать к мисс Гренвилл, чтобы сообщить ей хорошую новость.

Берти потащил продолжающую глухо ворчать мاستифиху в сторону дороги. Мисс Прайс поспешно поклонилась и последовала за ним.

Несколько минут спустя девушка и собака благополучно уехали в кэбе.

Вернувшись, Трент вопросительно посмотрел на Вира.

– Не пойти ли нам куда-нибудь еще и поискать другую собаку, если тебе так хочется быть покусанным? – сказал Берти. – Ты выглядишь не слишком цветущим в это утро, Эйнсвуд, позволю себе заметить.

– Благодарю тебя, но о том, как я выгляжу, мне уже поведал Джейнес, – отрезал Вир и направился вниз по улице. – Если бы я не просидел всю ночь в «Крокфорде», ожидая тебя, мне бы не пришлось проглотить дюжину паршивого шампанского и выслушать, как многочисленные болваны величают меня беовульфом.

На самом деле Вир ждал там Креншоу, чтобы завершить дело, начатое амазонкой.

«Заботься о своих ублюдках» – это было тем принципом, который заменил ему и его друзьям заповеди, запрещавшие возжелать жену ближнего своего и изменять своей собственной. Даже Дейн, который не был Мэллори, не терпевший даже упоминание о совести и живший по своим собственным правилам, не бросил на произвол судьбы своего незаконнорожденного отпрыска.

Прочитав записку Мэри, Креншоу должен был выпятить грудь и сказать: «Похоже, я снова стал отцом, черт побери. Благодарю вас за информацию, мисс Гренвилл. Завтра же утром я отправлюсь в исправительный дом и заберу их». Тогда бы мисс Аттила Гренвилл ушла восвояси, виляя своей наглой задницей, и Вир бы вообще не увидел ее. Соответственно, он бы не схлестнулся с ней, а значит, ему бы не пришлось выслушивать саркастические замечания и изо всех сил сдерживать себя на протяжении всего пути до логова этой драконессы.

Однако Креншоу не сделал того, что должен был сделать. Он даже не пришел в «Крокфорд», чтобы поговорить под хорошую выпивку, а потому всех бутылок шампанского, выпитых Виром за ночь, оказалось недостаточно, чтобы залить душившее его раздражение.

И сейчас, после того как Вир промучился от бешенства целую ночь, а голова его разрывалась и шумела, будто внутри ее стреляли из пушек, и он не знал, переживет ли этот ужасный час, именно сейчас мисс Свет Цивилизации узнает, что он приперся в исправительный дом. Вычислить за чем, для нее проблемы не составит. Вполне естественно она решит, что победила. Опять!

– Надо было попросить кого-нибудь из парней сказать тебе, чтобы ты меня не ждал, – сказал извиняющимся тоном Берни Трент. – Но я думал, что ты нашел себе более приятное занятие на ночь и не вернешься.

Вир резко остановился и посмотрел на него широко раскрытыми глазами.

– Более приятное занятие? С леди Грендель? Ты лишился рассудка?

– Я считаю, что она чертовски красива, – пожал плечами Трент.

Вир пошел дальше, убеждая себе в том, что только Берни Тренту могла прийти мысль о свидании герцога Эйнсвуда с голубоглазой драконессой. Парни, с которыми герцог провел вчерашний вечер, считают, и совершенно правильно, что с таким же успехом можно уложить в постель крокодила.

Действительно, если бы внешность журналистки соответствовала ее природным склонностям, она была бы горбатой, морщинистой и покрытой чешуей. Однако леди обладала безукоризненно стройной фигурой и сладко-манящими женскими прелестями. В этом и заключается очередная злая шутка темных сил, которые управляют его жизнью.

Так говорил себе Вир, опустошая этой ночью одну бутылку за другой. В этом он убеждал себя, когда пришел домой, плюхнулся на кровать, но так и не смог заснуть.

Это же Вир повторил, когда заметил собаку.

То же он сказал несколько минут назад, когда понял, что драконессы поблизости нет, и в сердце кольнуло нечто, напоминающее разочарование.

Вир повторил это только что, ощутив непонятное беспокойство, когда рука сама собой задержалась на кармане куртки... На том самом, где лежал... огрызок карандаша, который Лидия обронила в карете вчера вечером.

Глава 4

Зашедшему этой сырой холодной ночью в «Голубую сову» запросто могло показаться, что он спустился в окрестности ада.

Вир регулярно заглядывал в кабаки, таверны и прочие злачные заведения, заполненные шумными пьяными людьми, но даже он слегка опешил. Он-то ждал нормального и даже приличного общества. Ведь основными посетителями «Голубой совы» были писатели и журналисты. Однако их голоса сливались в такой гвалт, какой Виру не доводилось слышать за всю свою многострадальную жизнь. Не помнил он и такого густого дыма, переливающегося из помещения в помещение подобно поднимающемуся с Темзы туману. У каждого из присутствующих в зубах непременно была сигара или трубка.

Свернув в находящийся за баром зал, Вир подумал, что нисколько не удивится, если увидит языки пламени и пляшущего на его фоне Сатану с раздвоенными копытами.

Однако, судя по очертаниям, в зале находились простые смертные. Под лампой, свет которой из-за окутавшего ее дыма сделался тусклым и серо-желтым, сидели двое молодых людей с бледными худыми лицами и что-то кричали друг другу в уши.

За ними была видна открытая дверь, периодически изрыгающая клубы дыма и громоподобные раскаты хохота. Когда Вир подошел к двери, смех стих, но приглушенный шум, свидетельствующий о продолжении веселой суеты, сохранился.

– Еще кого-нибудь! Давай еще! – донеслись до него перекрывающие шум крики.

Вир переступил через порог и увидел группу не менее чем из тридцати мужчин, сидящих на стульях и скамьях или подпивавших стену.

Ее, несмотря на то что дым здесь был еще гуще, он увидел сразу. Лидия стояла вполоборота к нему у большого очага, и отблески пламени создавали дрожащие замысловатые узоры на черной ткани ее одежды.

Вир никогда раньше не обращал особого внимания на то, как она одевается, но сейчас ее костюм его очень заинтересовал. Возможно, причиной тому были дым и адский гвалт. А может, то, что он впервые видел ее с непокрытой головой. Лидия сняла шляпку и без нее казалась слишком открытой для посторонних взглядов и до ужаса беззащитной.

Узел, в который были стянуты на затылке ее густые волосы, немного ослаб, и выбившиеся из-под него золотистые прядки щекотали белую кожу шеи. Слегка сбившаяся прическа смягчала четкие черты прекрасного лица, из-за чего Лидия выглядела совсем юной.

Вир опустил взгляд ниже и сразу ощутил контраст между нежностью шеи и прикрывающей тело одеждой, напомнившей ему о броне. От подбородка до талии четким рядом выстроились пуговицы, одним своим видом предупреждавшие о готовности к защите и уничтожению любого агрессора.

Уже много ночей подряд Вир расстегивал эти пуговицы в своих снах, и он подумал, что сделать это, конечно, мечтает большинство завсегдатаев заведения.

Это естественно. Ведь они мужчины. А она, единственная присутствующая здесь женщина, стояла, демонстрируя себя, перед этим сборищем пошлых бумагомарак, и любой из них имел полную возможность представить ее обнаженной и в любой известной ему позе.

Вир увидел, как Лидия подошла к одному из этих пьяниц и стала что-то рассказывать. Тот явно не столько слушал, сколько глазел на ее грудь. Пальцы герцога непроизвольно сжались в кулаки.

К счастью, Лидия быстро отошла. Однако при этом она взяла в одну руку бутылку, а в другую – сигару. Впрочем, как только Лидия сделала несколько шагов, Вир понял: она разыгрывает сценку. Репортерша с важным видом подошла к стоявшей слева от нее группе мужчин, слегка покачиваясь, постояла, и пьяно уставилась на одного из них.

– Крупная, да. Но вес меньше, чем у меня, – произнесла Лидия, кажется, не так громко, но голос ее легко перекрыл шум зала. – Я дам ей фору в весе в пять с тремя четвертями фунта. И все, что полагается под одеждой, – на десятку. Но, между прочим, чтобы убедиться в этом, я должен буду заплатить пятьдесят гиней.

В этот момент Вир узнал слова, а в следующий – осознал, что слышит не ее голос. Он бы не поверил своим ушам, но взрыв смеха зрителей подтвердил: слух его не обманул. Это были слова, произнесенные Виром на Винегар-Ярд. Нереально, но произнесены они были его голосом!

– Целых пятьдесят? – крикнул кто-то из зала. – Не знал, ваша светлость, что вы можете дать такую высокую цену.

Лидия засунула в угол рта сигару и поднесла к уху сложенную лодочкой ладонь.

– Что за мышинный писк я слышу? О, неужели, черт побери! Это ты, малыш Джой Парвис, а я думал ты все еще в сумасшедшем доме.

Было что-то загадочное и пугающее в том, что слова, сказанные густым голосом слегка пьяного Вира, слетали с прелестных женских губ, в том, как двигалась эта женщина, точно копируя его жесты. Казалось, его душа на время переселилась в ее тело.

Вир замер без движения, не отводя глаз от Лидии, почти не слыша раздававшихся в зале раскатов смеха.

Она вынула изо рта сигару и кивком привлекла внимание одного из зрителей.

– Интересуешься, умею ли я считать, да? Что ж, иди сюда, и ты увидишь, как я пересчитаю твои зубы... когда будешь собирать их с пола. Или ты предпочитаешь судить обо всем с помощью головы? Пожалуйста. Я помогу тебе, простофиля ты наш. Знаешь как? Возьму твою голову в одну руку и прокомпостирую ее второй.

Смеха практически не последовало.

Вир перевел взгляд с нее на зрителей.

Все головы были повернуты к дверному проему, в котором стоял он – герцог Эйнсвуд.

Он посмотрел в прежнем направлении и почти физически ощутил ответную волну, направленную на него голубыми глазами новоявленной актрисы. Нарочито демонстрируя отсутствие малейшего страха и замешательства, Лидия поднесла к губам бутылку, отпила из нее и поставила на место. Сделав небольшую паузу, Лидия вытерла губы тыльной стороной ладони и легким кивком обозначила, что узнала его.

– Ваша светлость...

Он изобразил на лице добродушную улыбку. Затем поднял руки вверх и зааплодировал. Все находящиеся в помещении замерли, и удары его ладоней друг о друга были единственным звуком, нарушающим возникшую вдруг тишину.

Вир вновь сунула в зубы сигару, сняла воображаемую шляпу и отвесила ему преувеличенно низкий поклон.

На какое-то мгновение Вир забыл, где находится и что здесь происходит. Мысли перенесли в прошлое, мозг лихорадочно пытался выхватить из памяти нечто важное. Что-то похожее с ним уже происходило, только очень давно. Он видел это раньше, испытал это...

Однако странные мысли улетучились так же быстро, как возникли.

– Отлично сделано, дорогая, – сказал Вир. – Невероятно смешно.

– Не настолько смешно, сколько оригинально, – ответила Лидия, смело оглядевшая его с головы до ног.

Не обращая внимания на закипающее в нем раздражение, Вир рассмеялся и под аплодисменты публики шагнул в ее сторону. Идя сквозь толпу зрителей, он наблюдал, как спокойное выражение ее красивого лица постепенно меняется на более жесткое, а губы расползаются в презрительной полуулыбке.

Вир явно видел этот холодный насмешливый взгляд раньше, но уже и сам переставал верить этому своему ощущению.

Ему показалось, что неуверенность мелькнула и в ее глазах. Причиной тому мог, конечно, быть табачный дым или тусклый свет. Однако он вновь увидел в этом монстре обычную девушку. Ему захотелось взять ее на руки и унести из этого логова, подальше от этих пьяных свиней, их буравящих глаз и блудливых мыслей. Если ей необходимо дразнить кого-то и смеяться над кем-то, пусть этим кем-то будет только он. В памяти всплыло: «...вы не хотите, чтобы я была кого-нибудь, кроме вас».

Усилием воли Вир выбросил из головы эти злые слова, которые, несмотря на свой абсурдный смысл, оказались своего рода пророчеством.

– Позвольте все-таки сделать небольшое критическое замечание, – сказал Вир, останавливаясь в шаге от нее.

Она удивленно вскинула брови.

Вокруг них звучали приглушенные голоса. Кто-то раскашлялся. Кто-то громко рыгал. Тем не менее не оставалось никакого сомнения, – к их разговору жадно прислушиваются. В конце концов, здесь собрались те, кто делает для публики новости.

– Я имею в виду то, что вы курите от моего имени, – сказал Вир, указывая глазами на сигару в ее длинных, слегка запятнанных чернилами пальцах. – Сигара у вас явно не та.

– Да что вы говорите? – Лидия слегка наклонилась, всем своим видом изображая насмешливое недоумение. – Но это, между прочим, настоящая Тричинополи.

Вир достал из внутреннего кармана куртки изящный серебряный портсигар, открыл и протянул ей.

– Как вы можете видеть, мои длиннее и тоньше. Цвет табака указывает на высокое качество сигары. Возьмите одну.

Лидия скользнула по нему взглядом, бросила свою сигару в огонь, взяла из его портсигара, грациозно покрутила в пальцах и понюхала.

Очевидно, все это было проделано на публику, однако стоявший ближе всех к ней Вир успел заметить то, чего не могли видеть другие: на ее щеках проступил чуть заметный румянец, а грудь резко поднялась и опустилась.

Нет, Лидия владела собой не до такой степени, как думали, благодаря ее усилиям, окружающие. И Лидия была совсем не столь бесчувственной, циничной и непоколебимо уверенной в себе, какой казалась.

Вира так и подмывало склониться к ней поближе и посмотреть, покраснеет ли она еще сильнее. Проблема была в том, что он уже начал ощущать ее аромат, а это, как он понял вчера вечером, сулило ловушку.

Вир Эйнсвуд повернулся к зрителям, несколько из них уже обрели дар речи и соревновались в остроумии по поводу сигар.

– Прошу прощения, что прервал ваше развлечение, джентльмены, – обратился он к публике. – Теперь можете веселиться дальше. Выпивка за мой счет.

Не бросив назад ни единого взгляда, будто вовсе забыл о существовании Лидии, Вир направился к выходу.

В эту напоминающую ад таверну на Флит-стрит он пришел, чтобы расставить некоторые точки относительно своего утреннего появления перед исправительным домом. Серьезная роль здесь отводилась ее карандашу. Он планировал вернуть его наглой журналистке в подходящий момент перед толпой писак, с видом, прозрачно намекающим на то, что данный инструмент для письма был не единственным, что его хозяйка оставила в карете прошлым вечером.

Начиная действовать, Вир Эйнсвуд исходил из того, что Лидия, вне всякого сомнения, считает его несносным, тщеславным, самодовольным дебоширом, что согласно ее представлениям в принципе соответствовало истине. Поэтому нескольких намеков было бы достаточно,

чтобы представить дело следующим образом: герцог вышел из веселого дома, который по воле случая оказался неподалеку от того места, где Вир наткнулся на Трента и мисс Прайс. О существовании же Мэри Бартлес его светлость до этого момента вообще не вспоминал.

Учитывая все это, вряд ли можно заподозрить Вира Эйнсвуда в организации освобождения молодой матери. Если ему это и пришло в голову, когда он увидел исправительный дом, то только из желания отправить назойливую девицу подальше из Лондона, чтобы никогда более не слышать о ней и о ее чахлом потомстве. Лишь ради этого он был готов немного помочь.

Таким образом, Вир хотел всем доказать: если доброе дело и свершилось, то только благодаря Берти Тренту.

План казался безупречным, особенно если учесть, что он был разработан после продолжавшегося ровно двадцать две минуты сна, за которым последовал чуть не убивший его приступ головной боли.

Однако этот детально разработанный план начал рушиться сразу же, как только Вир остался в дверях прокуренного зала и увидел золотовласую девушку. Теперь же, вспоминая о легком румянце на ее щеках и учатившемся дыхании, Вир окончательно отказался от задуманного.

Получалось, что он ошибался в ней. Лидия была совсем не такой, какой хотела казаться в глазах окружающих. И к герцогу, вопреки его прежней уверенности, у нее не было столь сильной неприязни. В общем, крепость оказалась не такой неприступной, в ее обороне обнаружилась щель.

А поскольку герцог Эйнсвуд несносен, тщеславен, самодоволен и так далее и тому подобное, он просто обязан проникнуть в эту щель и постепенно демонтировать все защитные сооружения крепости. А если конкретнее, подумал Вир, угрожающе улыбнувшись, расстегивая пуговицу за пуговицей на ее блузке.

Блэкслей, Бедфордшир

В первый понедельник после встречи лорда Эйнсвуда и мисс Гренвилл в «Голубой сове» леди Элизабет и Эмили Мэллори семнадцати и пятнадцати лет отроду прочитали об этом происшествии в «Сплетнике».

Вообще-то, считалось, что они не читают подобных изданий. Более того, им не разрешалось просматривать даже респектабельные газеты, ежедневно доставляемые в Блэкслей. Их дядя лорд Джон Марс выделял в семейном распорядке дня специальное время для ознакомления девочек с прессой и сам читал вслух публикации, которые считал подходящими для их непорочных ушей. Его собственные уши и глаза были далеко не так невинны, поскольку всю сознательную жизнь он занимался политикой и, соответственно, читал все, включая скандальную хронику.

Газету, которую изучали юные леди этой ночью при свете горящего в их спальне очага, извлекли из кучи периодики, ожидающей под лестницей старьевщика. Как и все прочие, ранее добытые аналогичным способом, эта газета должна была отправиться в огонь сразу после того, как из нее будет выужена вся информация, касающаяся их опекуна.

Опекуном являлся седьмой герцог Эйнсвуд, а сами они были дочерьми Чарльза и сестрами Робина.

Языки пламени весело плясали, освещая склонившиеся над газетой девичьи головки. Но вот они дочитали заметку, посвященную их опекуну, леди Гренвилл и происшествиям у «Крокфорда» и в «Голубой сове». Взгляды двух пар одинаково темно-зеленых глаз встретились. В них засверкали смешинки.

– Очевидно, что-то интересное случилось и в карете, когда дядя Вир провожал ее из «Крокфорда», – сказала Эмили. – Я же говорила тебе, что происшествием на Винегар-Ярд эта история не кончится. Леди надрала ему задницу, и он не мог оставить это без внимания.

Элизабет кивнула.

– К тому же она наверняка красивая. Уверена, иначе дядя Вир не попытался бы поцеловать ее.

– И умная. Хотелось бы посмотреть, как она проделала тот трюк. Я понимаю, что можно сделать вид, что потеряла сознание, могу представить, что она смогла нанести ему хороший удар. Но как можно было свалить его на землю?

– Мы выясним это, – заговорщически прошептала Элизабет. – Мы просто попробуем делать все, как Леди.

– Нет не все. Я не собираюсь курить сигары, – ответила Эмили, поморщившись. – А сигары того сорта, который курит дядя Джон, – вообще ни за что. Один раз я уже попробовала. Думала, что после этого никогда не смогу есть. Не понимаю, как она делала это, не опасаясь, что ее стошнит прямо на дядю Вира.

– Леди Гренвилл журналистка. Подумай, в каких мерзких местах ей приходится бывать, чтобы собрать материал для своих историй. А сигары она может курить, потому что у нее крепкий желудок. Если бы у тебя был такой же, ты бы так не мучилась тогда.

– А о дяде Вире она напишет, как ты думаешь?

– Поживем – увидим, – пожала плечами Элизабет. – Следующий номер «Аргуса» придет послезавтра.

Эмили и Элизабет знали, что журнал на самом деле принесут не раньше четверга, так же как и то, что после этого ему, прежде чем попасть в кучу под лестницей, предстоит пройти через множество рук, начиная с дворецкого. Сестрам до этого счастливого момента придется ждать еще как минимум неделю. А в список периодики, из которой дядя Джон выбирал материалы для чтения вслух, «Аргус» не входил. Он не читал им даже роман «Фиванская роза». Героиня, по его мнению, была «слишком разбитной» – это было самое мягкое определение, – что могло оказать неблагоприятное влияние на неокрепшие умы юных леди.

Лорд Джон Марс получил бы настоящий шок, узнай, как сильно хотят дочери брата его жены быть похожими на вымышленную Миранду. А если бы он узнал, как они относятся к порочному герою романа Дьябло, это закончилось бы еще хуже. Лорд Марс, скорее всего, решил бы, что они повредились рассудком от горя, и послал бы за доктором.

Однако Элизабет и Эмили, несмотря на свой юный возраст, научились переносить многое. Они уже успели пережить потерю близких, каждая из которых наносила болезненный удар и вызывала острое чувство злости. Именно злости, потому что отец утверждал: испытывать гнев в таких обстоятельствах естественно. Со временем злость смягчается, а острое ощущение горя постепенно сменяется простым сожалением. Сейчас, спустя два года после кончины обожаемого отца и почти восемнадцать месяцев со смерти малыша, как в семье называли Робина, естественный в молодости интерес к различным сторонам жизни у Эмили и Элизабет начал возвращаться.

Мир вокруг больше не был в исключительно черных тонах. Небосклон порой затягивали темные тучи, но проглядывал и солнечный свет. И одним из ярких лучей этого света для сестер был их опекун, сообщения о различных происшествиях с участием которого компенсировали им полное отсутствие чего-либо интересного в Блэкслее.

– Бьюсь об заклад, в половине писем, полученных тетушкой Доротеей, рассказывается о дяди Вире, – сказала Элизабет и тяжело вздохнула, представив, как долго придется ждать.

– Не думаю, что эти кумушки могут сообщить что-то, о чем не пишет «Сплетник». Все они получают информацию из вторых, а то и из третьих рук. – Эмили внимательно посмотрела на сестру. – И сомневаюсь, что папа одобрил бы наш интерес к почте тети Доротее. Мы не должны даже помышлять об этом.

– А я не думаю, что он одобрил бы то, что нам ничего не рассказывают о нашем опекуне, – парировала Элизабет. – В конце концов, это неуважение к памяти папы. Ведь опекуна назна-

чил он. Разве не так? Вспомни, как отец, читая письма друзей, смеялся и говорил: «Только послушайте, что опять натворил ваш дядюшка Вир. Вот уж плут так плут!»

Эмили улыбнулась.

– Папа называл его озорником. «Настоящий Мэллори – озорник, – говорил он, – такой же, как ваш дедушка и его братья».

– «Последний из старой гвардии со всеми присущими ей чертами», – процитировала еще одну реплику отца Элизабет. – У римлян – «In vino veritas», «истина в вине», а наш истинный дух в Вире, – напомнила она его шутку.

– Эйлуин умеет быть настоящим другом. Вон как он подружился с Робинотом, помнишь?

– Конечно. По-настоящему. – В глазах Элизабет блеснули слезы. – Они не смогли остановить его. Нас они не пустили к Робиноту, когда он умирал, потому что боялись. А дядя Вир ничего не боится. – Она взяла сестру за руку. – Робинот был так похож на него.

– И мы должны быть на него похожи.

Сестры улыбнулись друг другу.

Элизабет бросила «Сплетника» в огонь.

– Что ж, подумаем-ка о тетиних письмах, – сказала она.

– Да не так туго, черт возьми! – взмолилась Лидия. – В этой штуке и без того трудно двигаться. Совсем не обязательно, чтобы в ней было невозможно дышать.

«Штука», которую она имела в виду, представляла собой модификацию корсета, специально придуманную для того, чтобы превращать женскую фигуру в мужскую. А женщину, на которую фыркнула Лидия, звали Елена Мартин.

В далекие времена, когда они вместе играли в лондонских трущобах, Елена имела авторитет успешной воровки. Сейчас она была еще более известной куртизанкой. Несмотря на то, что долгие годы они жили далеко друг от друга, и на изменение положения в обществе, старая дружба сохранилась. Сейчас они находились в Кенсингтоне в шикарной квартире Елены, а точнее, в ее заваленной элегантными предметами туалета гардеробной.

– И должно быть туго, – спокойно ответила Елена, – ведь, когда мы сплющиваем твою грудь, чтобы она стала мужской, все остальное начинает вылезать в других местах.

С этими словами Елена безжалостно затянула шнуры, завязала последний узел и отошла.

Лидия осмотрела свое отражение в зеркале. Благодаря хитроумному устройству грудь ее теперь напоминала голубиную, а в целом Лидия выглядела при этом очень стильно. Вполне можно посоперничать с мужчинами, которые используют подкладки, чтобы сделать более выпуклой грудь, более широкими плечи и затягивают в корсет бедра. Но к Эйнсвуду это не относится. Формы его прикрытого одеждой тела никаких искусственных дополнений не требуют.

Подумав так, Лидия приказала себе выбросить его из головы. Наверное, в тысячный раз за неделю, прошедшую со времени их встречи в «Голубой сове», Она отошла от зеркала и быстро оделась. Надетый поверх хитрого корсета мужской костюм сидел вполне удовлетворительно.

Елена придумала этот наряд месяц назад для маскарада и с его помощью сумела одурачить всех его участников.

Лидия рассчитывала, что после небольшой доработки (Елена была немного ниже ее) костюм поможет ей добиться аналогичных результатов, хотя собиралась она отнюдь не на маскарад. Ее целью был игорный дом «Джеример», расположенный в тихом уголке Сент-Джеймс-стрит. Макгоуэну она сказала, что собирается написать материал, который, вне всякого сомнения, ждут очень многие читательницы. Ведь в нем будет рассказано о заведении, где женщинам, по крайней мере порядочным, бывать запрещено, причем рассказано порядочной женщиной, сумевшей туда проникнуть.

Это было правдой. Однако сбор материала для статьи был не единственной ее целью, и уж точно не этим объяснялось решение отправиться именно в «Джеример». До Лидии давно дошли слухи, что в этом игорном доме тайно скупают краденое. А поскольку ни один из ее информаторов не смог узнать что-либо о судьбе драгоценностей Тамсин, Лидия решила поискать другие источники.

Правда, сама Тамсин не видела в этом смысла.

– Ты уже потратила две недели на поиски моих украшений, – ворчливо заметила она прошлым вечером. – А между тем есть вещи куда более важные, требующие внимания. Когда я думаю о Мэри Бартлес, мне хочется плакать от стыда за то, что жалела о какой-то горстке камешков и металла.

Лидия успокоила свою подопечную, сказав, что в редакции ждут статью. Если в процессе сбора материала удастся узнать что-то новое о драгоценностях, будет неплохо, но специально сосредоточивать усилия на этом она не собирается.

Сейчас, повернув голову, чтобы увидеть в зеркале, как выглядит ее наряд со спины, Лидия подумала, что вряд ли вообще можно на чем-то сосредоточить усилия в этой тесной клетке из жесткой ткани и китового уса.

– У тебя могут возникнуть серьезные проблемы, если кто-то догадается, что ты не мужчина, – сказала Елена.

– Не забывай, это всего лишь игорный клуб, – ответила Лидия, отходя к туалетному столику. Его посетители не думают ни о чем, кроме карт, костей и рулетки. А внимание хозяев и obsługi поглощено наблюдением за их деньгами. – Из сваленных в кучу на столике косметических средств, пузырьков с ароматными жидкостями и украшений она выудила сигару, которую дал ей Эйнсвуд, и сунула во внутренний карман пиджака. Затем перевела взгляд на встревоженную Елену. – Послушай, – попробовала Лидия успокоить подругу, – гораздо опаснее было, когда я опрашивала проститутку на рэтчлифской дороге, но даже тогда ты так не волновалась.

– То было раньше. А теперь ты порой так странно себя ведешь... – Елена подошла к комоду, где стоял поднос с графином бренди и двумя бокалами. – Тогда ты лучше себя контролировала и довольно часто это доказывала. И ты проявляла куда больше хитрости, чтобы одолеть тех, кто рисковал выступить против тебя. – Елена взяла графин и наполнила бокалы. – А теперь... Твое столкновение с Креншоу напомнило мне о той драке с уличным бродягой. Помнишь, когда он стал дразнить Сару, коверкая ее имя, и довел ее до слез. Тебе тогда было восемь лет.

Лидия потянулась за предложенным Еленой бокалом.

– Да, с Креншоу я, пожалуй, переусердствовала.

– Излишняя эмоциональность мешает исполнению желаний, – напомнила Елена с легкой улыбкой.

– Боюсь, исполнение моего желания вошло бы в противоречие с законом, поскольку я была готова кое-кого убить.

– Ты же прекрасно знаешь, что я имела в виду другого плана желание, – сказала Елена.

Лидия сделала несколько глотков бренди, разглядывая подругу сквозь стекло бокала.

– Эйнсвуд потрясающе красив, – продолжила между тем Елена. – У него есть и мозги и мускулы. Не говоря уже об улыбке, от которой могли бы расцвести розы среди арктической зимы. Беда в том, что он принадлежит к распутникам того типа, что презирают слабый пол. Женщины для него имеют лишь одно известное предназначение и лишь с точки зрения исполнения этого предназначения ненадолго завладевают его вниманием. Если Эйнсвуд заставил тебя задуматься о том, чтобы слегка отступить от пути праведного, Лидди, я рекомендую выбрать другой объект. Подумай, например, о Селлоуби. Он отнюдь не презирает женщин, а ты определенно заинтриговала его. В общем, тебе стоит только поманить своим маленьким пальчиком.

Лидия знала, что ее подруга требовала за свои услуги больше любой другой профессиональной содержанки Лондона, и на то имелись причины. Елена обладала редким талантом точно уловить момент, когда следует ответить на ухаживание мужчины, чтобы превратиться в женщину его мечты. Несомненно, ее советы заслуживали внимания. Однако воспользоваться рекомендацией «подумать о Селлоуби» Лидия не могла, поскольку знала, чем она заинтриговала его.

Главный лондонский коллекционер слухов заметил Лидию в толпе журналистов, собравшейся перед собором Святого Джорджа во время свадьбы Дейна. На следующий день он рассказал Елене, что, когда взглянул на толпу перед собором, в ней мелькнуло лицо женщины, будто сошедшей с одного из портретов родовой галереи Афкорта. А название Афкорт носило родовое имение маркиза Дейна в Дивоне. С того момента, как Лидия узнала об этом разговоре, она старалась за версту обходить Селлоуби. Увидев ее с более близкого расстояния, он вполне мог заняться исследованиями в Афкorte и раскопать то, что ее гордость требовала похоронить навсегда.

– О Селлоуби не может быть и речи, – сказала Лидия подруге. – Светский сплетник и журналистка априори обречены на конкуренцию. Да и в любом случае сейчас для меня совсем не время затевать интрижку с каким бы то ни было мужчиной. Скандал, конечно, может способствовать увеличению продаж журнала, однако то небольшое общественное влияние, которое у меня сейчас имеется, неизбежно сведется к нулю, если я в глазах общества стану падшей женщиной.

– В таком случае, может, тебе следует подумать о другой работе? – предположила Елена. – Ты не становишься моложе, и тратить время...

– Возможно, ты права, милая. По крайней мере, не сомневаюсь, что ты желаешь мне добра. Но давай отложим дискуссию о том, что мы теряем и что нам мешает, на потом. – Лидия допила бренди и поставила бокал на поднос. – Уже довольно поздно, а мне еще надо побывать в городе.

Она надела шляпу, взяла прогулочную трость и, напоследок посмотревшись в зеркало, направилась к двери.

– Я буду ждать тебя! – крикнула ей вслед Елена. – Не забудь, ты должна вернуться сюда, а не...

– Конечно же, я вернусь именно сюда, – заверила ее Лидия. – Не думаешь же ты, что мне хочется, чтобы соседи увидели странного мужчину, входящего рано утром в мое жилище? Да и мисс Прайс не буду утруждать расшнуровыванием этого чертова корсета. Сие сомнительное удовольствие я готова предоставить только тебе. Надеюсь, что и ты не забудешь оставить для меня рюмочку на ночь.

– Будь осторожна, Лидди.

– Да, да. – Лидия обернулась и изобразила наглую ухмылку. – Да пошло оно все к черту, девочка! Думаешь, надо доставать парня, чтобы удержать его навсегда?

Надув щеки, она вразвалочку вышла под сдавленный смех подруги.

В эту среду Гренвилл из «Аргуса» отсутствовала на традиционных ночных писательских посиделках в «Голубой сове», и поэтому проходили они весьма скучно. Правда, на счастье Виры, Джо Парвис там был. Его Вир увидел практически сразу, в холле, когда тот в очередной раз возвращался из туалета. Однако одного стаканчика джина оказалось явно недостаточно, чтобы развязать язык Джо и подтолкнуть его к размышлению о том, где сейчас может находиться его напарница по работе над статьями. Иллюстратор «Аргуса» и без того был уже изрядно пьян, что серьезно обострило его ущемленное достоинство.

Первым делом он начал жаловаться Виру на то, что приятели стали называть его Пискалявым. Обидная кличка прилепилась с прошлой среды из-за того, что Гренвилл, передразни-

вая его, запищала будто мышь. Это уже не говоря о том, что она вообще ухитряется устраивать так, что при совместной работе все сливки достаются обязательно ей.

– Вообще-то я собрался пойти с ней в «Джеример», – продолжил жаловаться Парвис. – Ведь должен же я увидеть то, о чем она собирается писать в центральной статье следующего номера, тем более что под материал готовится обложка. Однако ее величество сказала, что в Лондоне нет игорного дома, где бы не знали меня в лицо, а стало быть, могут заметить и ее. Да и в целом мне, дескать, лучше держаться подальше от азартных игр. Можно подумать, что такую каланчу могут не заметить в тесной дыре.

«Джеример» действительно был очень небольшим заведением. Тем не менее, войдя туда, Вир не увидел своей знакомой.

Не ушел он из-за неожиданно привлечшей его внимание сигары.

Идя через зал, Эйнсвуд мельком посмотрел на какого-то молодого человека и, сам не зная почему, остановил на нем взгляд. Ничего особенного. Парень был одет так, как обычно одеваются молодые клерки – не дорого, но с заявкой на стиль, и, судя по всему, был увлечен рулеткой. Между тем, оказавшись с ним рядом, Вир уловил знакомый запах.

В Лондоне был только один торговец табаком, у которого можно было купить сигары этого особенного сорта. Они были необычно длинными и тонкими, на что Вир и указывал неделю назад Госпоже Лицедейке. Он мог бы рассказать ей также, что табак, из которого они сделаны, имеет специфический вкус, что поставляются они ограниченными партиями по его эксклюзивному заказу.

На собраниях представителей высшей знати ему встречались истинные ценители табака, с которыми Вир с радостью делился этими сигарами. Но последний раз он участвовал в таком собрании много месяцев назад.

Между тем Парвис сказал, что горгона обещала быть здесь.

С трудом сдерживая улыбку, Вир подошел поближе.

Лидия знала, что рулетка стала национальным сумасшествием англичан. В «Джеримере» она убедилась в популярности этого увлечения наглядно. Комната, где крутилось колесо рулетки, была буквально набита человеческими телами, зачастую невымытыми. Впрочем, воздух в тюрьме Маршалси и во многих других местах, где ей довелось побывать, был немногим чище, а самые скверные запахи Лидия решила перебить ароматом сигары. Кроме того, зажатую в зубах сигару можно было пожевывать, делая вид, что наблюдаешь за колесом, а это помогало хоть как-то унять нарастающую злость за свое бессилие.

В принципе она могла бы гордиться кучкой лежащих перед ней фишек, которая все более и более увеличивалась в размерах, но это не шло ни в какое сравнение с призом, маячившим над столом чуть далее чем на расстоянии вытянутой руки.

Именно такая дистанция отделяла ее сейчас от Коралии Бриз.

В ушах бандерши сверкали рубиновые серьги. Рубиновое кольцо украшало ее шею, на запястье красовался браслет из того же гарнитура. Гарнитура, точно соответствующего описанию Тамсин.

Небольшая комната была набита под завязку. Игроки и зрители пытались оттеснить друг друга, расталкивали окружающих локтями. В такой обстановке мадам Бриз едва ли заметила бы несколько ловких движений, которые освободили бы ее от краденых драгоценностей.

Проблема состояла в том, что сама Лидия сделать эти особые движения была не в состоянии. Для этого требовались опыт и талант Елены, которая находилась в нескольких милях отсюда, в Кенсингтоне.

Вот сбить сводницу с ног и сорвать с ее вонючего тела украшения Лидия смогла бы. Это было в ее репертуаре. Однако она прекрасно понимала: для подобных методов сейчас не время и не место.

Даже если бы на ней не было корсета, который в несколько раз замедлял движения, имелось достаточно серьезных причин, заставляющих испытать терпение: темнота, тесные, не дающие простора для маневра улочки ближайших кварталов, отсутствие потенциальных союзников, обилие потенциальных противников. Количество последних еще больше увеличится, если Лидия будет демаскирована или сама скинет меняющий ее внешность наряд, что весьма вероятно в драке. В лучшем случае ее просто унизят, в худшем – могут избить, ранить и даже убить.

Все верно. Но как сдержат себя, видя, что драгоценности Тамсин украшают самую гнусную сводницу Лондона? Как перестать думать о бедной девушке, ее любимой тете и о том, что именно эти украшения связывали их?

И все-таки Лидия не имеет права позволить раздражению снова взять верх над разумом. Она должна справиться с излишней эмоциональностью, как назвала это Елена, из-за которой презирающий женщин Эйнсвуд сумел превратить ее в драчливую восьмилетнюю девчонку.

Лидия прогнала вновь всплывший в памяти образ и постаралась сосредоточиться на проблемах, которые следовало решить немедленно.

Шарик на колесе рулетки остановился на поле «21. Красное».

Крупье с каменным лицом пододвинул к Лидии ее выигрыш. Одновременно противно вскрикнула и разразилась богохульствами Коралия.

Проигравшаяся бандерша с неохотой отошла от стола, и это навело Лидию на новую мысль.

Если у мерзавки кончились деньги, она вполне может продать драгоценности. Так поступают здесь многие, и Лидия уже засекала место, где осуществляются подобные сделки. Она быстро подсчитала свой выигрыш – две сотни. Не слишком много по стандартам элитных клубов типа «Крокфорда», где в течение минуты порой проигрывались тысячи, но, возможно, достаточно, чтобы выкупить набор рубиновых украшений здесь у охваченной азартом шлюхи.

Лидия встала и начала пробираться к ней сквозь столпившихся у стола зевак.

Стараясь не выпускать жертву из поля зрения, Лидия инстинктивно обошла неряшливо одетого рыжего мужчину, который ранее пытался привлечь ее внимание, и оттолкнула локтем явного карманника. Однако, торопясь сократить расстояние между собой и Коралией, она не заметила чью-то оказавшуюся на этом пути обутую в тяжелый ботинок ногу.

Лидия споткнулась и не упала лишь потому, что чьи-то руки подхватили ее и поставили на ноги. Руки были большие и сильные, способные сжать будто тиски.

Лидия подняла голову... И встретила с взглядом ярко-зеленых глаз.

Вир начал было придумывать язвительное замечание, достойное ее многослойного убранства. Однако Лидия его опередила. Она всего лишь раз удивленно моргнула, вынула изо рта сигару и разразилась целой тирадой.

– Да это вы, Эйнсвуд, черт меня возьми! Сколько лет! Как ваш геморрой? Все еще беспокоит?

Поскольку Вир уже заметил Коралию Бриз и двух ее дюжих телохранителей, он не решился разоблачить присутствие мисс Сары Сиддонс⁸ Гренвилл в игорном доме. Он продолжил играть роль человека, случайно встретившего здесь приятеля, и Лидию, судя по ее поведению, это устраивало. Они направились к выходу и быстро покинули душное заведение. Однако он не выпустил руку спутницы и, продолжая сжимать ее, пошел рядом вдоль Сент-Джеймс-стрит в сторону Пиккадилли. Она шла развязной походкой, поблескивая белыми зубами, сжимавшими огрызок сигары, его сигары, и помахивая тростью, которую держала в свободной руке.

– Это превращается в обычай, Эйнсвуд, – сказала Лидия. – Как только какое-то дело начинает идти у меня более-менее гладко, появляешься ты и все портишь. Я была на волне

⁸ Сара Сиддонс (1755–1831; настоящее имя – Сара Кембл) – сценическое имя известной британской актрисы.

выигрышей, сообщаю на случай, если ты не заметил. Более того, я работала. Впрочем, общественно полезный труд находится за пределами твоего жизненного опыта, поэтому позволь объяснить кое-что из базовой экономики.

Если авторы журнала не сделают того, что им было поручено, в журнале не будет статей. Если не будет статей, читатели не станут покупать журнал, поскольку покупают они его, пусть это не покажется тебе странным, из-за того, что в нем что-то написано. А коль скоро потенциальные читатели оставят свои денежки при себе, будет нечем заплатить авторам. – Лидия сердито посмотрела на него. – Я не слишком быстро излагаю?

– Ты перестала играть в рулетку до того, как я вмешался. И сделала это потому, что решила сыграть в другую игру. Пока ты наблюдала за сводницей, я следил за тобой. Мне уже знаком такой взгляд, и я знаю, что он предвещает: скоро будет скандал.

Пока Эйнсвуд говорил, Лидия подчеркнуто спокойно затянулась и выдохнула сигарный дым, прекрасно копируя известный тип равнодушного к наставлениям молодого горожанина, в костюме какового она была одета. Виру потребовалось усилие, чтобы сдержать неуместное желание рассмеяться.

– Позволю себе указать кое на что, чего ты, видимо, не заметила, – продолжил он. – Рядом с бандершей находилась пара громил. Если бы ты пошла за ней на улицу, эти скоты затащили бы тебя в ближайшую темную аллею и порезали на мелкие кусочки.

Они подошли к Пиккадилли. Лидия бросила в сторону остаток сигары.

– Ты имеешь в виду Джосайю и Билла, насколько я понимаю, – уточнила она. – Хотелось бы посмотреть на того, кто, не будучи слепым, мог не заметить эту парочку уродов.

– Твое зрение тоже не очень надежно. Меня-то ты просмотрела, – ответил Вир, знаком подзывая извозчика.

– Как я понимаю, эта повозка нужна тебе, – сказала Лидия. – У меня имеется задание, выполнение которого я должна завершить.

– Тогда поищи задание вне стен «Джеримера», – предупредил Вир. – Туда ты не вернешься. Если тебя узнал я, то могут узнать другие. А если, как я подозреваю, там обдeldывают кое-какие незаконные делишки, то их исполнители постараются сделать так, чтобы Гренвилл из «Аргуса» не выполнила свое задание. И не только. Они захотят получить полную уверенность в том, что больше о ней никогда не услышат.

– Как ты узнал, что меня там интересует нелегальный бизнес? – удивленно спросила Лидия. – Это задание держалось в секрете.

Наемный экипаж подъехал. Это был не один из новых компактных кабриолетов Дэвида Дэвьеса, а громоздкая закрытая повозка, которая, похоже, служила в качестве городской кареты для джентльменов еще лет сто назад. Кучер сидел спереди, а не сбоку, как в современных кэбах. Сзади имелась платформа, предназначенная для пары лакеев, наверняка, давным-давно умерших и похороненных.

– Куда ехать, господин? – спросил извозчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.